

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ТЕМНИЦА
ТИХОГО АНГЕЛА

ЭКСМО

Екатерина Островская
Темница тихого ангела

«ЭКСМО»

2011

Островская Е. Н.

Темница тихого ангела / Е. Н. Островская — «Эксмо», 2011

Судьба человека полна неожиданностей, а повороты ее зависят порою от ничтожных случайностей. Американец русского происхождения и начинающий писатель Николай Торганов так и остался бы никому не известным автором, если бы однажды некий пассажир самолета не открыл бы кем-то забытую книжку и не погрузился бы в чтение... Теперь у Торганова есть все – премия «Оскар» за лучший сценарий, роман с великой голливудской актрисой, работа со Стивеном Спилбергом... Только одно тревожит его – странное ощущение, будто он что-то потерял в своем далеком российском прошлом. Но что именно? Торганов отправляется в Россию, где узнает: одноклассница, которая нравилась ему когда-то, приговорена к пожизненному заключению. Она в тюрьме, откуда никогда не сможет выйти...

© Островская Е. Н., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

«Просто», «много», «вкусно» и «интересно»!	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Часть вторая	29
Глава первая	29
Глава вторая	34
Глава третья	37
Глава четвертая	40
Глава пятая	43
Глава шестая	46
Глава седьмая	52
Глава восьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Екатерина Островская

Темница тихого ангела

«Просто», «много», «вкусно» и «интересно»!

Я очень люблю, когда «просто», «много», «вкусно» и «интересно». Люблю, чтобы было много отпуска, а в отпуске – много моря и просто поваляться на солнце, и еще люблю вкусно завтракать, и так, чтобы за завтраком много кофе, а потом приняться за любимую и интересную работу. В кино и книгах так же: люблю простые решения, много действия, вкусные сцены и интересный сюжет.

Я читаю детектив ради увлекательного, завораживающего, может быть, даже немного фантастичного действия. Где обязательно должно быть «просто», «много», «вкусно» и «интересно», и так, чтобы читалось на одном дыхании.

И сейчас вы держите в руках именно такую книгу – детектив «Темница тихого ангела» Екатерины Островской. Он буквально соткан из драйва: здесь и Большое Яблоко – уже вкусно, и любовь с первого взгляда – уже просто, и миллион долларов – уже много, и дерзкий побег – вот вам и интересно. В тексте некогда скучать, одно событие сменяется другим... Отель «Плаза» в Лос-Анджелесе, Петербург – мой любимый город, Москва – мой город не менее любимый, великий Стивен Спилберг, всесильный политик Пал Палыч, триумфальное возвращение на родину, президентские резиденции, бывшие одноклассники, почти забытое убийство, скелет в шкафу – и не один, загадочная смерть, воспоминания, колония, взятка в миллион – все это очень стремительно и сказочно. И – чуть не забыла! – стопроцентный хеппи-энд! А еще главный герой – большой русский писатель и сценарист – получает «Оскара», – а это, скажу вам, дорогого стоит! Книга до краев наполнена праздником жизни, головокружительным успехом, сногшибательным темпом и пульсацией жизни, происходящей вокруг героев, – всем тем, чего здесь, в повседневной будничной действительности, нам так недостает! Да, я знаю, что «на самом деле так не бывает» и это никакая не правда жизни, но, перефразируя Ницше, книга должна быть интенсивнее и ярче жизни: ведь при стрельбе берешь выше цели. Екатерине Островской и ее детективу «Темница тихого ангела» удалось подарить мне головокружительный вечер за увлекательным чтением, и поэтому я советую вам эту книгу.

Я признательна издательству «Эксмо» за проект «Татьяна Устинова рекомендует»! Во-первых, приятно осознавать, что к твоему мнению прислушиваются. Во-вторых, я стала значительно больше читать наших книжных новинок и удивилась, сколько хороших детективов оказывается, пишется и издается в России. В-третьих, и это, наверное, самое главное, хорошим всегда очень хочется поделиться. И я советую вам книгу Екатерины Островской «Темница тихого ангела», потому что там «просто», «много», «вкусно» и «интересно»!..

Часть первая

Глава первая

Не только дураки, но и многие умные, на первый взгляд, люди мечтают прославиться, наивно полагая: если их заметит пресса, то жизнь удалась. Причем неважно, как стать знаменитым и что надо сделать для популярности – главное, чтобы их знали и помнили о них долго. Фотографии в газетах, телевизионные интервью, упоминание в скандальных хрониках – недосягаемая радость бытия для большинства людей, прозябающих в неизвестности, мечта, несбыточная и горькая: тоскуют несчастные в своей тусклой жизни, не догадываясь даже, что слава может принести тоску еще большую.

«Быть публичным человеком еще хуже, чем публичной женщиной». Об этом подумал Николай Торганов, проснувшись однажды в номере отеля «Плаза» на Голливудском бульваре. Вернее, подумал когда-то А.С. Пушкин, а Коля просто вспомнил классика. А до этого каждое утро на протяжении почти года, открывая глаза, он знал, что ему уже почти тридцать и он никому не известный писатель, а следовательно, личность, не представляющая интереса для большинства окружающих людей. Даже женщины, которые в силу любопытства или, может быть, близорукости обращали внимание на Николая в каком-нибудь супермаркете или просто на улицах, подходя ближе, резко отворачивались, чтобы их не заподозрили во внимании к существу серому и недостойному. Про себя Торганов знал точно, что он не урод, но ведь даже ослепительно прекрасный нагой красавец вмиг становится нехорош собой, когда натягивает на себя протертое до неприличия дешевое безобразие, а не голубые джинсы от Кельвина Кляйна, к примеру, не говоря уже о костюме от Армани.

Тридцать лет для человека – определенный рубеж. «В двадцать лет ума нет – и не будет. В тридцать лет денег нет – и не будет...» – гласит русская народная мудрость. Потом следует сентенция насчет жены, что несколько устарело в наше время. К сорока годам многие мужчины успевают раза по четыре обзавестись женами. Что касается женщин, то им хорошо известно: тридцатилетняя женщина – потерянный для общества человек. Эта мудрость тщательно скрывается от мужчин, особенно от тех, кто представляет определенный интерес. Но Торганов, судя по всему, к этому разряду не относился. Даже родная мать старалась пореже с ним видаться, словно присутствие рядом с ней взрослого сына – лишнее напоминание о тщательно скрываемых морщинках возле глаз. Морщинки эти уже раз пять убирались опытными, хотя и не очень дорогими, пластическими хирургами, но почему-то появлялись вновь. На красоте, конечно, нельзя экономить, но в пятьдесят два года уже трудно казаться даже тридцатилетней. Впрочем, фигуре Ирины Витальевны могли позавидовать многие и многие дамы, родившиеся, естественно, не в России, а в Штатах, возвращенные не на парном молоке, а на хот-догах и чипсах с попкорном.

Все мечтают о славе, как мечтают о вечной молодости и нескончаемом счастье. Коля Торганов тоже думал о чем-то подобном, но при этом работал, просиживая перед компьютером по восемнадцать часов в сутки, прикованный к нему своей мечтой, как каторжник к опостылевшему веслу галеры. К тридцати годам он написал три книги, вышедшие в русском издательстве и едва распроданные, а потом американское издательство выпустило его книжку, написанную уже на английском, и она тоже простаивала на магазинных полках. Литературной славе было лень подниматься к нему на девятый этаж дома, в котором лифт если и работал, то пару часов в неделю. Торганов убеждал себя, что ему все равно, главное – не мечта и не результат, а сам процесс; в конце концов не каждому суждено быть Владимиром Набоковым – классиком американской литературы.

Все изменилось внезапно.

Некий весьма удачливый продюсер решил отправиться в Европу. Он развалился в кресле «Боинга» и на всякий случай обшарил ячейку в спинке впереди стоящего кресла, в которой обычно хранятся гигиенические пакеты для слабонервных. Что хотел там найти продюсер – неизвестно, может быть, он решил проверить, не забыл ли кто из пассажиров предыдущего рейса что-либо ценное – бриллиантовое кольцо или просто бумажник, но обнаружил книжку. Книжки, как известно, особой ценности не представляют, иначе их бы не забывали в самолетах. Но полет был долгим, а продюсер накануне хорошо выспался и потому решил просто полистать страницы в поисках картинок. И, к своему удивлению, начал читать. Закончил только в парижском такси. Машина стояла перед отелем «Реджина». Продюсеру казалось, что в Париже идет дождь: перед его взором была мутная хмарь. Но светило солнце, пахло начинающимся летом, а по тротуару за окном автомобиля проходили длинноногие девушки в веселых мини-юбках.

– Какое дерьмо! – выругался продюсер.

Рукавом пиджака от Армани смахнул влагу с глаз. Потом, рискуя повредить костюм, засунул найденную книжку в карман и пошел к дверям отеля.

В номере он разделся, распечатал пакет с махровым халатом. Халат был белый с вышитым на груди названием гостиницы. Продюсер хотел надеть его на себя, но потом решил, что для начала надо принять душ, и поразился такой простой мысли.

– Дерьмо! – повторил он.

Посмотрел в зеркало на себя голого, попытался напяречь торс, ничего не получилось. Продюсер отбросил в сторону халат и, не опускаясь в кресло, снял трубку телефона.

Офисный номер отозвался автоответчиком. В Штатах уже была ночь. Тогда продюсер позвонил своему помощнику домой.

– Вы уже вернулись? – поинтересовался тот спросонья.

– Ты один? – спросил продюсер, хотя знал, что это не так.

– Как всегда, – соврал помощник.

– Тогда вылезай из кровати и ступай в кабинет. Позвони в издательство... – Продюсер взял со стола книгу и посмотрел на выходные данные. – В издательство «Леви, Леви энд Цуккер», и спроси у них адрес писателя...

Продюсер посмотрел на обложку.

– ...писатель Ник Торгановф.

– Сейчас четыре утра, – напомнил референт.

– Потом свяжись с этим парнем, спроси, не продал ли он кому права экранизации своего романа «Тихий ангел». Если нет, предложи ему сто тысяч, отправь проект договора – того, что мы обычно новичкам подсовываем. Только будь осторожен: парень талантливый, вдруг обидится.

– Если талантливый, то наверняка нищий, а следовательно, сговоримся.

– Он гений, а не гей, а потому может оказаться не очень сговорчивым. Но все равно будь с ним помягче. И не проявляй заинтересованность. В конце концов предложи сто двадцать тысяч.

Глава вторая

Николай собирался завтракать, когда раздался звонок. Снимать трубку не хотелось по двум причинам. Во-первых, сломался тостер и надо было его разобрать. Во-вторых, могла звонить бывшая жена или еще хуже – хозяйка квартиры, а от женщин Торганов уже давно не ждал ничего хорошего. Но телефон продолжал надрываться. Николай посмотрел на часы – без четверти полдень.

– Ник Торгановф? – произнес вкрадчивый голос.

– Да, – признался Коля после некоторой паузы, ушедшей на раздумье: не поторопился ли он вообще снять эту чертову трубку.

– Я Джордж Руни, помощник президента продюсерской фирмы «Блю Синема продакшн». Может так случиться, что у нас появится интерес к вашему роману «Тихий ангел». Скажите, кому принадлежат права его экранизации?

Коля растерялся, а в это время сам собой включился тостер.

– Вот черт! – не выдержал Торганов, поразившись подлости кухонного прибора.

Нет, на самом деле он поразился неожиданному вопросу.

Николай нажал на кнопку, но тостер продолжал гудеть. Пришлось выдернуть шнур из розетки. Все это заняло какое-то время, поэтому он успел подготовить достойный ответ, а не заорать от радости.

– Вы что-то сказали? – долетел голос мистера Руни.

– Права экранизации принадлежат автору, то есть мне, – ответил Коля равнодушно, едва сдерживая сердце, рвавшееся из груди в законное пространство, где синел маленький кусочек нью-йоркского неба, – сейчас идут переговоры с агентами...

– Простите, – еще более равнодушно произнес мистер Руни, – не буду больше вам мешать. Есть понятия деловой этики, которым наша продюсерская фирма следует неукоснительно.

– А вы что-то хотели предложить?

– Ничего, собственно, просто наша фирма проводит определенную работу с молодыми авторами. Чтобы поддержать начинающих, мы заключаем с ними контракты на написание сценариев или приобретаем готовый материал. К сожалению, почти все проекты оказываются впоследствии неинтересны для нас.

– А мне интересно знать, сколько ваша фирма обычно платит начинающим. Просто хочу сравнить с той суммой, что мне предлагают другие агенты.

– Сколько они предлагают, я знаю, – лениво произнес мистер Руни, как видно, потеряв всякий интерес к молодому писателю. – Меньше, чем шестьдесят восемь тысяч пятьсот они не могут предложить: это минимальная стоимость сценария, определенная профсоюзом. Но если вы собираетесь продать не сценарий, а только права экранизации книги, то цена будет раз в десять ниже, кроме того, из той незначительной суммы агенты вычтут свои тридцать процентов.

– Я бы продал сценарий вместе с правами экранизации романа, согласен на любое изменение моего текста. Об этом сейчас и пытаюсь договориться. Переговоры, кстати, заканчиваются. Надеюсь, что до конца недели контракт будет подписан.

Николай успокоился, потому что понял – удача наконец-то улыбнулась ему.

– Желаю успехов! – бодрым голосом попытался закончить разговор мистер Руни и добавил: – Всего хорошего. Если напишете что-нибудь стоящее, то, вполне возможно, нас это заинтересует.

– А сколько ваша компания готова дать за «Тихого ангела»?

– Шестьдесят восемь тысяч пятьсот. Но зато без всяких агентов – все деньги ваши. Мы приобретем опцион на год и заплатим десять процентов. В течение года, если фильм запустится в производство, вы получите остаток всей суммы, а если нет – оставляете аванс себе.

– За девяносто тысяч я бы согласился, и то если...

– Семьдесят тысяч, – перебил его мистер Руни, – и не будем больше торговаться: мы и так переплачиваем. Рисуем к тому же. Если вы согласны на наши условия, то проект контракта мы отправим вам сегодня до конца дня.

– О'кей, – согласился Николай, – только аванс – двадцать процентов!

– Пятнадцать, – твердо произнес референт, – и ни цента больше. Мне еще придется уговаривать нашего президента, чтобы он пошел на такие кабальные для нас условия.

Проект контракта прислали через час. Николай подписал его, дополнительно внося только два пункта: в титрах будущего фильма будет указан единственный автор сценария – Ник Торгановф. А во всех рекламных материалах – в прессе и в роликах – обязательно указывать: «Фильм по сценарию Ника Торгановфа».

Коля остался доволен собой: в конце концов два года, проведенных на юридическом факультете Колумбийского университета, что-нибудь да значат!

На самом деле Коля готов был отдать права и просто так, то есть бесплатно. Но, во-первых, его приняли бы за идиота, а во-вторых, надо ведь и жить на что-то: платить за квартиру, питаться, не говоря уже о необходимости приобретения нового тостера.

Десять с половиной тысяч долларов ему выдали через неделю после подписания контракта. Он не удивился этому. Станным казалось другое: неужели американцам так уж интересна история бедной русской девушки-графини, проживающей в Харбине в конце двадцатых годов? Эмиграция, нищета, спивающийся отец-граф и полусумасшедшая мать – потомственная княгиня, младшие сестры-близняшки, вечно испуганные... Тоска по родине, воспоминания о былом величии семьи, а вокруг маргиналы-соотечественники, китайские мошенники, вездесущие агенты НКВД, курильщики опиума, забывшие, кто они и откуда, дом, больше похожий на притон, и грязь, грязь, грязь... Чтобы прокормить семью, молодая графиня вынуждена заниматься консумацией и проституцией, поскольку другой работы нет. Она понимает, что этим не поможет ни отцу, ни матери, и скоро сестрам придется заниматься тем же самым. Жить не хочется, отчаянье сжимает страшный круг... Но тут в Харбин прибывает молодой американский миллионер. Он знакомится с героиней в ресторане: ее подсаживают за его столик. Завязывается беседа – и американец очарован, он хочет встречаться с ней постоянно, говорить с ней и только с ней. Видеть ее он не может, потому что наследник капиталов одного из богатейших семейств Америки слеп...

То ли американцам нравятся сказки про любовь миллионера к проститутке, то ли им понравилось, что и миллионеры бывают слепыми, то ли вспомнили «Огни большого города» Чаплина – историю бродяги и незрячей цветочницы, но фильм начали снимать через полгода после того, как у Торганова сломался тостер. Сценарий к тому времени был, разумеется, написан и даже исправлен Николаем дважды: один раз по просьбе режиссера, а другой – по требованию продюсера.

Съемки длились всего три месяца: Харбин начала прошлого века построили в павильоне Голливуда, китайцев искать не пришлось – их везде много, зато удалось упрямить за большие деньги поучаствовать в работе двух звезд – немного потускневших, правда, но все же любимых зрителями. Один сыграл отца-алкоголика – ему даже не пришлось особенно вживаться в роль, плохо только, что популярный актер часто забывал текст и, красиво улыбаясь, нес отсбятину. Его жену играла тоже звезда, в недавнем прошлом, кстати, и в самом деле супруга популярного любителя экспромтов и виски. Она весьма натурально хлестала по щекам своего бывшего мужа, а теперь просто партнера по съемкам. Николай в Голливуд не поехал, но иногда

справлялся у мистера Джорджа Руни, как идет работа. Тот отвечал: «Все о'кей!», а однажды признался, что исполнители всех ролей, включая эпизодические, без ума от сценария и часто плачут на площадке, не в силах сдерживать свои эмоции. Картина поголовно рыдающей съемочной группы впечатляла.

Вскоре началась раскрутка будущего фильма: появилась информация в газетах и журналах, иногда по телевидению показывали рекламный ролик, а кое-где висели огромные постеры. Автор сценария Ник Торгановф упоминался везде. Это было приятно, хуже оказалось другое: как только по телевидению впервые прокрутили ролик, Николаю позвонила бывшая жена и потребовала денег.

Глава третья

Если бы бывшая миссис Торганов, а теперь просто О'Нил, знала, какой получится фильм! Рыдали все Соединенные Штаты, а потом Канада, и особенно Мексика, где люди вроде бы приучены плакать над сюжетами своих отечественных сериалов. Кинокритики поначалу пытались критиковать, потом примолкли, а когда сборы от проката перевалили за двести миллионов, начали всю расхваливать картину, отмечая игру актеров, операторскую работу, режиссерские находки и особенно оригинальный сценарий. Началось триумфальное шествие фильма по миру. Правда, в некоторых мусульманских странах прокат был запрещен, но именно там оказался самый высокий процент продаж кассет и DVD-дисков. Ругали картину в Китае, но и там сборы перевалили за миллиард юаней.

Очень скоро Николаю позвонил мистер Джордж Руни и сообщил, что фильм выдвигается на соискание премий американской киноакадемии по семи номинациям.

– На премию «Оскар», что ли? – не поверил Торганов.

– Ну да. А на какую еще? Кстати, Ник, мы хотим заключить с тобой контракт на сценарий второго фильма. Зритель требует продолжения: мы завалены письмами – и почти во всех зрители предлагают свои варианты сюжета. Но ты волен сам придумать развитие событий. Например, Бакси Меллоун привозит графиню в Штаты, а у нас тут Великая депрессия, сухой закон, разгул преступности. В героиню влюбляются главари мафии: Аль Капоне, Голландец Шульц, Френк Кастелло, Чарли Зубочистка... и этот, как его? Короче, и другие короли преступного мира. А семья Меллоуна не принимает русскую: они догадываются, чем она занималась в Китае. Ей и у нас приходится трудиться. Графиня поет в подпольном казино, где каждую ночь драки, перестрелки, полицейские облавы. В нее влюбляется самый известный полицейский Чикаго Дик Трейси...

– Сколько? – поинтересовался Торганов.

– Хорошо, пусть в нее влюбляются несколько полицейских.

– Каков будет гонорар?

– В два раза больше прежнего.

– В три раза!

– О'кей, – вздохнул мистер Руни. – Пусть будет двести тысяч баксов. Контракт вышлем сегодня же.

В тот же день Николай сел за работу над продолжением истории о бедной русской графине.

Церемония вручения «Оскара» прошла суматошно и громко: в гигантском зале кинотеатра «Кодак» сверкали лампы софитов и прожекторы, на сцене искрились фейерверки, а лазерные лучи высвечивали в воздухе имена номинантов. Гремела музыка, популярные певцы и певицы старались всю, на огромном экране демонстрировали отрывки из номинированных на премию фильмов.

Николай знал точно, что никакой премии не получит. Во-первых, были сильные конкуренты – опытные кинодраматурги, создавшие великое множество сценариев, ставших потом шедеврами. Во-вторых, свою работу он сам считал халтурой на потребу. В-третьих... Он мог бы придумать еще множество причин, но главной для отклонения его кандидатуры, конечно, станет одна-единственная: то, что он – русский. Коля не очаровывался происходящим вокруг и не ждал ничего хорошего для себя, кроме банкета после окончания церемонии. Он даже не стал выбирать одежду: взял напрокат смокинг, хотел приобрести рубашку и галстук-бабочку, но схватил с прилавка белую хлопковую майку – купил ее только потому, что на ней стояло название фильма, сценаристом которого он являлся. В ней и пошел на церемонию, в пару к смо-

кингу натянув на себя черные джинсы с шелковыми лампасами. Джинсы ему, как ни странно, подарила бывшая жена.

Торганов сидел в мягком кресле и смотрел на сцену. Поначалу вручали премии в мало-значимых номинациях. В двух был номинирован и его фильм: за лучший саундтрек и за лучший монтаж. Оба раза премии получили конкуренты. Потом на экране снова появились кадры из «Тихого ангела», и ведущие церемонии объявили, что сейчас произойдет определение лучшего сценария. Представили сценаристов, Николая тоже осветили лучом прожектора, телевизионная камера подъехала почти вплотную к его лицу, он смутился немного и вдруг сообразил, что прямая трансляция идет на весь мир и, вполне вероятно, отец тоже сидит сейчас перед телевизором, в маленькой квартирке в Петербурге, смотрит на экран и радуется. А рядом с ним бабушка и новая семья отца.

– Замечательный писатель – гордость американской литературы, новый Владимир Набоков, написавший роман, ставший вровень со знаменитой «Лолитой», – Ник Торгановф, – долетел голос из космоса.

Раздались аплодисменты. Потом ведущие перед тем, как вскрыть конверт, в котором лежал листок с одной отпечатанной строкой – выбором киноакадемии, долго шутили, но смысл их шуток не доходил до Николая. Он вообще не соображал, что происходит. В мозгу звучала и повторялась фраза, которую говорил кто-то за Николая: «А вдруг выберут меня?» И непонятно, кто говорит, кого выберут и куда.

– Фильм «Тихий ангел». Ник Торгановф.

Последние два слова потонули в гуле оваций, и потому Николай не сразу понял, что произошло. Его ослепил луч прожектора, и сидящая рядом актриса, исполнявшая в фильме роль полусумасшедшей матери, похлопала его по коленке:

– Давай, мальчик, беги за своей порцией славы.

Ее тоже номинировали, хотя она уже не верила в удачу, одновременно надеясь на нее. Четыре раза за свою карьеру она сидела в таком же напряженном ожидании, но «Оскара» получали другие.

– Беги быстро, – улыбнулась Николаю звезда, – но беги с достоинством.

Коля поднялся, поклонился залу, а затем почему-то склонился к уху актрисы и шепнул, коснувшись губами сережки с крупным бриллиантом:

– Ты тоже получишь награду. Ты – лучшая!

И поцеловал близкую щеку.

Он шел к сцене, поднимался по ступеням, думая об одном: как нелепо выглядит в джинсах и белой майке под черным мешковатым смокингом.

Стоял перед микрофоном и смотрел на огромный зал, переливающийся мерцанием бриллиантов.

– Спасибо, спасибо, – наконец произнес он.

Или это сказал кто-то, кем Торганов не мог управлять. Голос был чужим и наглым.

Николай распахнул смокинг и продемонстрировал свою белую майку, а на огромном экране за его спиной крупным планом появилась надпись, вышитая на майке, – «Тихий ангел».

– Я не ожидал, честное слово. Даже пришел сюда без смокинга. Но мистер Шварценеггер любезно одолжил мне свой.

Зал взорвался от хохота, а потом начал аплодировать. В центре седьмого ряда поднялся человек в белом пиджаке. Это был губернатор Калифорнии. Он помахал рукой Николаю, а потом поклонился залу. Собравшиеся поаплодировали и ему.

– Спасибо тебе, Арнольд, – продолжил Торганов, – но пиджачок я все же оставлю себе: он приносит удачу.

Торганов смотрел в зал, вдруг почувствовав, как у него сводит челюсти, но все же закончил:

– Спасибо всем членам киноакадемии. Даже тем, кто голосовал за других претендентов. На самом деле, были люди достойнее меня: просто мне повезло.

– Пиджачок помог, – крикнул кто-то в зале.

Николай спустился со сцены, направился к своему ряду, чуть не проскочил мимо, но его подтолкнули в спину, и он увидел свою соседку кинозвезду. Опустился в кресло и только тогда понял, что держит в руках золотую статуэтку «Оскара».

– Поздравляю, – шепнула звезда. И поцеловала Торганова. Потом стерла с его щеки след помады.

Вокруг шелкали блицы фотокамер.

– Давно с Арнольдом знаком? – спросила актриса.

– С детства. Он был моим тренером по пинг-понгу.

Звезда усмехнулась и шепнула:

– А ты далеко пойдешь: талантливый и симпатичный.

Николай посмотрел в ее глаза и растерялся. А потом обернулся к сцене.

– Не расслабляйся, – сказал он, – скоро твоя очередь получать то, что ты давно заслужила.

– Давно, – снова усмехнулась звезда.

И поправила бриллиантовую цепь на шее.

«Оскара» вручили и ей – за роль второго плана.

На банкете они были все время рядом. Поздравляли обоих. Первым подошел Шварценеггер. Он поцеловал звезду и пожал руку Николаю.

– У тебя хорошая фигура, – сказал он. – Какому спорту отдаешь предпочтение?

– В университете играл в бейсбол за команду курса, а в школе боксировал.

– Какой университет заканчивал? – спросила актриса, прикладываясь к треугольному бокалу с сухим мартини.

– Колумбийский.

Звезда глазами изобразила удивление, смешанное с восхищением, но тут на нее с поцелуями набросилась Шерон Стоун.

– Поздравляю, поздравляю! Я так рада за тебя! Столько раз тебя обходили! Ты могла бы «Оскара» еще лет двадцать назад получить!

Это был удар ниже пояса. Но звезда держала удары хорошо.

– Все правильно: девятнадцать лет назад, ровно через пять лет после тебя, душка.

Шерон Стоун, улыбаясь, осмотрела быстро Николая и склонилась к уху подружки:

– Твой молодой человек шикарно выглядит. Скажи, кто его стилист: хочу мужу имидж поменять.

– Проще поменять мужа.

– Тоже верно, – согласилась Шерон Стоун, продолжая съедать глазами Торганова.

Подходили все новые и новые люди. Некоторых Николай узнавал и поражался тому, что они к нему обращаются, как к равному. Подходили, разумеется, не специально для того, чтобы поздравить именно его, а для того лишь, чтобы выразить свое восхищение стоящей рядом с ним актрисе. Джек Николсон, Дженифер Лопес, Бред Питт, Ричард Гир, Стинг, Джон Траволта, Джулия Робертс и многие другие известные ему или просто люди со знакомыми лицами – все имена Торганов не мог вспомнить.

Скарлетт Йохансон подмигнула ему:

– Привет. Поздравляю. Как тебе вечеринка?

Коля заглянул в ее огромное декольте и восхитился:

– Даже не представлял, что бывает такое!

Когда наплыв друзей актрисы спал, к ним подошел Стивен Спилберг. Он поцеловал руку звезду, а потом обратился к Николаю:

– Прости, Ник, у меня к тебе будет предложение. Я давно хочу снять фильм о еврейских погромах в России.

– О чем? – не понял Торганов.

– О преследовании и геноциде евреев во время правления последнего царя. Мне бабушка рассказывала кое-что. Она жила в Одессе. Но материала мало. Нужна канва. Нужна история человека на фоне событий. Ты мог бы пойти ко мне в соавторы?

Николай пожал плечами, а кинозвезда осторожно кольнула его в бок остро заточенным ногтем.

– Я могу прямо сейчас придумать сюжет, – кивнул Торганов, – тема мною тоже выстраданная. Не знаю, подойдет ли?

– Слушаю внимательно, – напрягся Спилберг и оглянулся проверить – не подслушивает ли кто.

Но все вокруг радовались, пили шампанское, мартини, виски, коньяки и водку.

– Бедный скрипач, одинокий, страшно талантливый, играет в дешевом кабаке для рыбаков, грузчиков, бродяг, профессиональных нищих, воров-карманников, проституток – для всех обиженных жизнью. Все эти люди винят в своих бедах евреев, но еврея Сашку любят безумно, потому что они плачут во время его игры, умывают слезами душу, страдая от жалости ко всему миру. А у скрипача в этом мире только маленькая белая собачка, которая ему всего дороже...

– Угу, – согласился Спилберг, – а потом он ее утопил. Я где-то читал.

– Он ее не утопил. Собачку утопил другой герой – глухонемой дворник.

– Хороший ход с глухонемым, – согласился великий режиссер. – А глухонемой был тоже антисемитом?

– Вполне вероятно, но только глухонемые вряд ли поддаются на антисемитскую агитацию. А собачку убили во время погрома. На Сашку напала толпа, но скрипача узнали, не стали трогать, только забавы ради вырвали из его рук собачку и ударили головой о булыжную мостовую...

– Ник, не надо, пожалуйста, – попросила звезда, – а то я заплачу.

Спилберг обернулся к ней и действительно увидел слезы в глазах красавицы.

– Прекрасно, – сказал он, – вот что значит талантливый человек! Я покупаю идею! На днях свяжись со мной лично.

Известный всему миру режиссер достал из кармана золотую визитницу, вынул из нее карточку и протянул Николаю.

– Только не тяни с этим.

– Через день у вас будет расширенный синопсис, могу и поэпизодный план представить.

– Тогда и контракт заключим, – обрадовался Спилберг, – сколько ты хочешь за сценарий?

Но только учти, что твоим соавтором стану я сам, а в таком случае буду менять все, что угодно, по своему усмотрению.

Николай открыл было рот, но звезда опять кольнула его ногтем и тут же спросила режиссера:

– А какой планируется бюджет?

Спилберг пожал плечами:

– Рано пока говорить, но меньше ста миллионов вряд ли. На небольшие деньги шедевр не создать.

– Я хотел бы получить гонорар в размере полутора процентов от бюджета, – ляпнул Торганов.

Звезда снова кольнула его в спину.

– Без учета налогов, разумеется, – объяснил Спилбергу равнодушный к деньгам Торганов и добавил: – И полпроцента доходов от проката.

Звезда погладила Колю по спине, а Спилберг прищурился:

– Вполне приемлемо. Послезавтра свяжись со мной, договоримся о встрече. Подпишем контракт, половину гонорара получишь в качестве аванса.

Николай почувствовал, как похолодела спина, поднял голову и увидел, что за ним наблюдают.

– Увидимся через день, – сказал он и протянул руку режиссеру, которым восхищался всю жизнь.

Глава четвертая

Не только дураки, но и многие умные люди мечтают прославиться. Проснуться в обнимку с удачей надеется большинство людей. Проснуться в обнимку с кинозвездой мечтает каждый мужчина.

Коля Торганов почувствовал, как что-то щекочет ему ноздри, и открыл глаза. Мишел лежала на его груди и обнимала его. Ее волосы разметались на половину кровати и касались Колиного лица. Именно волосы, пахнувшие ароматом вечерних цветов, и щекотали ноздри. Хотелось чихнуть, но Николай сдержался. «Боже, – подумал он, – неужели я не сплю?» Вспомнил вчерашний вечер, церемонию вручения наград, все, что за этим последовало, вспомнил ночь и невероятную страсть Мишел. В случившееся невозможно было поверить, но это произошло. Все, что казалось невероятным, о чем он не мог даже мечтать, случилось не с кем-то, а именно с ним. Еще вчера он и представить не мог, что окажется в постели с этой женщиной, а теперь может погладить ее волосы или поцеловать голое плечо, сказать то, что обычно говорят близким людям...

В конце восьмидесятых, когда мать и ее новый муж ушли из дома, обещав вернуться поздно, Коля перерыл полку с видеокассетами, нашел ту самую, которую накануне мать взяла у подруги. Прогнав сына в его комнату, она осталась наслаждаться фильмом наедине с человеком, внезапно вошедшим в ее жизнь. Новый муж был младше Ирины Витальевны на пять лет, он приехал из Риги, был немногословен и, кроме прочих достоинств, обладал званием мастера спорта по настольному теннису.

Фильм, который Коля с нетерпением хотел посмотреть, оказался недублированным гангстерским боевиком. Коля, хоть и занимался ежедневно с матерью изучением английского, понимал не все. Но содержание уже не интересовало его: драки, перестрелки, взлетающие на воздух взорванные автомобили – все ушло на второй план. Он уселся на пол перед самым экраном, во все глаза смотрел на главную героиню, дрожа от ее красоты, и сердце сжимало предчувствие чего-то запретного и сладостного.

Тогда ему было двенадцать, и он еще не понимал ничего, но уже ощущал прелесть экранной девушки каждой клеточкой своего тела.

В том старом боевике молодая длинноногая красавица заходила в бассейн медленно, словно специально демонстрируя только ему одному свое прекрасное тело, оглянулась и улыбнулась смущенно, прося простить за откровенность. Коля задохнулся тогда, нажал на кнопку стоп-кадра, чтобы сохранить эту улыбку навсегда.

А теперь та же девушка, изменившаяся, но все равно прекрасная, лежит с ним в одной постели в номере лос-анджелесского отеля «Плаза». За исполнение роли в том старом фильме она была номинирована на «Оскар», потом ее еще трижды выдвигали на получение награды американской киноакадемии, и фильмы уже были серьезные, и играла она несравненно лучше, но награды получали другие. Только теперь сбылась ее мечта. Два одинаковых голых человека, обтянутых золотой кожей, стоят теперь на столе в номере отеля между букетом цветов и недопитой бутылкой виски.

Мишел проснулась, а может, не спала уже давно, и теперь она едва коснулась губами его груди и прошептала:

– Я пойду в душ, а ты закажи шампанское.

Она присела на постели, потянулась, выгнув худенькую спинку, – Коля смотрел на ее маленькие позвонки, змейкой убегающие к пояснице, испытывал нежность к ней и восхищение тем, что происходит сейчас, тем, что происходило ночью, и тем, что ждет впереди. Мишел встала с кровати, подняла валяющуюся на полу бриллиантовую цепь, шагнула к столу и положила цепь рядом с бутылкой виски.

– Хорошо, что не потеряла: я ее у ювелира напрокат взяла – вещь застрахована, конечно, но все равно крику было бы много.

Она обернулась к Николаю и, не улыбаясь, посмотрела на него, словно проверяя его реакцию или ожидая каких-то слов.

– Я закажу шампанское, – сказал он, продолжая разглядывать Мишел.

Конечно, она была великолепна, она по-прежнему звезда, хотя и помятая немного, потускневшая, без того блеска в глазах, что поразил Колю в детстве. По-прежнему желанная и обожаемая, как и тогда в далеком советском прошлом. От нее пахнет цветами, она грациозна и женственна. Ночью она шептала что-то ему на ухо, кричала слова любви, царапала ему спину острыми ногтями и плакала от страсти. Ночью от нее пахло виски, и она походила на обычную женщину, на обычную, но которую не встретишь никогда.

– Спасибо тебе за «Оскара», – сказала Мишел, заходя в ванную комнату.

Через пять минут в номер принесли две бутылки «Дом Периньон», Николай взял бокалы и пошел к Мишел. Они сидели в ванне, утопая в стогу пахнувшей левкоями пены, пили шампанское и болтали о всяких пустяках.

– Я думаю, что Спилберг удивился, – улыбнулась звезда, – вот так запросто рассказать ему о том, о чем он много думал, но не знал, как все это выразить в кино. А ты сразу, не раздумывая ни секунды, выдал сюжет.

– Я всего лишь пересказал ему рассказ Александра Куприна.

– Это неважно! Важно то, что ты завтра подпишешь с ним контракт на два миллиона долларов. Сумма может оказаться и большей.

– И это неважно. Важно, что ты – рядом со мной, – шепнул ей на ухо Николай.

Мишел хихикнула и отстранилась.

– Айвен Торгановф – твой родственник? – спросила она, сделав глоток из бокала.

– Кто? – не понял Николай.

– Русский писатель. Я читала его книгу. Вчера целый вечер мучилась, пыталась вспомнить название и только сейчас вспомнила. «Весенняя вода», кажется.

– А-а, Иван Тургенев, – догадался Николай и соврал: – Родственник, но дальний – двоюродный прапрадедушка.

Потом они перебрались в номер и, лежа в постели, посмотрели в новостях краткий репортаж о вчерашней церемонии, в котором показали их двоих и назвали самой красивой парой вечера.

Затем они долго разговаривали о новом проекте Спилберга, и Мишел попросила написать роль для нее.

– Уже! – ответил Николай и показал на свою грудь. – Ты в моем сердце, и твоя роль всегда главная.

– И кем ты меня видишь?

– Содержательницей публичного дома, которая более всего боится, что ее дочери-гимназистки узнают, каким образом мать зарабатывает на жизнь и на их учебу.

– Если бы мне это предложил Спилберг, я плеснула ему в рожу шампанское, а тебе не буду. Я согласна.

Она внимательно посмотрела на Торганова, и он снова наклонился к ее лицу.

– Я люблю тебя.

– Мне сорок четыре года, – с расстановкой произнесла Мишел.

– Я люблю тебя, – снова соврал он.

– Если бы тебе что-то было нужно от меня, я бы не поверила, но это ты нужен мне.

– Придется поверить.

Звезда потрясла головой и прошептала:

– Мне сорок четыре года... Сволочная жизнь – она так быстро проходит!

До вечера они оставались в номере. Потом собрались уходить. Николай спрятал своего «Оскара» за пазуху, а Мишел – в сумочку, предварительно вынув оттуда темные очки и черную шелковую косынку, под которой спрятала волосы. В сумочку улеглись бриллиантовая цепь и серьги. Теперь она почти ничем не отличалась от других женщин.

– Будем расходиться поодиночке? – спросил Торганов.

– Нас вряд ли узнают. А если и узнают, мне это не повредит, ведь и ты теперь тоже звезда.

Но кто-то из служащих отеля, судя по всему, сдал их. Когда они вышли из лифта и направились к выходу, засверкали вспышки цифровых камер, со всех сторон бросились папарацци. Каждый что-то кричал, стараясь обратить на себя внимание, рассчитывая, что хоть один из звездной парочки обернется в его сторону и снимок получится более презентабельным.

– Как долго длится ваша связь?

– Миссис Майлз, говорят, что Стивен Спилберг предложил вам роль?

– Мистер Торганов, правда, что ваш отец кадровый офицер КГБ?

– Миссис Майлз, ваш муж знает о вашем романе с Торгановым?

Они пробились сквозь эту толпу молча. Николай открыл дверь такси, пропустив Мишел в машину. Блицы продолжали сверкать. Торганов хотел и сам сесть в машину, но Мишел отстранила его:

– Я поеду одна. Прощай. Спасибо за все. Ты очень добрый.

Дверь закрылась, такси рвануло с места. Николай махнул рукой, подзывая другую машину. А папарацци продолжали его фотографировать.

– Мистер Торганов, вы собираетесь сделать миссис Майлз предложение?

– Да пошли вы все, – ответил Николай по-русски.

Глава пятая

Ранним утром Торганова разбудил телефонный звонок.

– Поздравляю, – сказала Ирина Витальевна, – честно говоря, не ожидала. То есть... Конечно, я всегда в тебя верила: недаром столько в тебя вложила и душевных сил, и денег, разумеется. На том свете мне зачтется.

– Ты туда уже собралась? – притворно удивился Николай.

– А кто знает, Коленька, сколько ему отпущено? Утром человек радуется жизни, а приходит вечер – и нет человека.

– Тебе только пятьдесят два.

– Уже пятьдесят два.

Ирина Витальевна вздохнула в трубку и продолжила:

– Теперь, чтобы просто быть здоровым, надо быть богатым человеком. Обычная операция стоит нынче бешеных денег.

– А разве у тебя нет страховки? Или ты говоришь о пластической операции? Если нужны деньги, я могу одолжить.

– Спасибо, не откажусь. Но я не за этим звоню.

Мать неожиданно перешла на шепот:

– Коленька, во всех газетах помещены фотографии, на которых ты и Мишел Майлз. У тебя с ней серьезно?

– Мы работаем над новым проектом.

– Тебе Спилберг заказал сценарий? Так значит, вот о чем вы с ним беседовали на банкете.

Потом позвонила бывшая жена. Джозефина с болью в голосе сообщила, что понимает, ради кого он отверг ее чувство, и пообещала, что Мишел Майлз обязательно бросит его, как бросала всех своих любовников, которым он, несчастный Торганов, и в подметки не годится.

Следом пробился соученик по университету. С ним Николай играл в бейсбольной команде, и от него девять лет не было ни слуху, ни духу.

– Поздравляю с «Оскаром», старик. У меня тоже все неплохо: своя адвокатская контора. Но все работа, работа, а жизнь-то проходит, люди теряют друг друга. Давай как-нибудь встретимся. Можно у тебя посидеть. Я женат, но приеду один. Кстати, у Мишел есть подруга?

Пришлось отключить телефон, а в душе он думал, в какой прекрасной стране живет: не успел поговорить с известным режиссером, как все уже считают, что у него с ним совместный проект – впрочем, это недалеко от истины. Не успел тайком переспать с кинозвездой, а вся страна ему уже завидует. Теперь его отношения с Мишел – достояние общественности, и это обстоятельство не радовало и не удручало его. Торганов размышлял спокойно, словно уже давным-давно жил подобной жизнью. Теперь каждый шаг надо делать осмысленно, потому что любой поступок может стать пищей для обсуждения людьми незнакомыми, мнение которых ему безразлично, но пересуды и домыслы прессы могут создать нежелательный имидж, а значит, повредить работе.

Николай спускался в дребезжащем лифте. В кабине, кроме него, находились две соседки по дому, с которыми он иногда здоровался, две негритянки – молодая и старая. Обе рассматривали его с одинаковым нескрываемым интересом, словно у него была растягиваемая резинка. Он чувствовал на себе их взгляды, даже когда вышел из дому. И потом, когда ехал в вагоне подземки, на него оглядывались какие-то пятнадцатилетние девочки со школьными рюкзаками за спиной.

«Это просто мания, – решил он, – вряд ли меня узнают. Может быть, я просто привлекательный мужчина, но теперь придется прятаться от всех случайных взглядов, меньше бывать в общественных местах, контролировать каждый свой поступок и каждое слово».

Телефон в кармане тренькал, не переставая, Николай уже не отвечал на звонки, но, когда вышел из метро, все же поднес аппаратик к уху и услышал срывающийся от негодования незнакомый голос:

– Ну, ты, урод! Если я узнаю, что ты бегаешь за мисс Майлз, то я тебе знаю, что оторву... Она – моя! Ты понимаешь это, русская сволочь? Еще раз подойдешь к ней...

Человек, набравший его номер, был явно невменяемым. Но взбесило Торганова другое: откуда все эти люди знают номер его мобильного? Надо срочно поменять номер, а заодно и подыскать другую квартиру. Если все-таки состоится контракт со Спилбергом, то денег должно хватить на покупку собственной или даже на домик в пригороде – в хорошем районе, где живут люди, не интересующиеся подробностями частной жизни соседей. Только вот где найти таких нелюбопытных людей?

Снова зазвонил телефон.

– Не бросай трубку, урод, когда я с тобой разговариваю. Убирайся назад в свою Россию и живи там! А если я узнаю...

– Спасибо за совет, – спокойно ответил Торганов, – я воспользуюсь им всенепременно.

Странно было услышать здравую мысль от сумасшедшего. Но все же Николай удивился больше своему ответу – случайному, может быть, но неожиданно отозвавшемуся в сердце.

Переговоры со Спилбергом прошли быстро. Они обсудили сюжет будущего фильма. Стивен со страстью воспринял образ глухонемого дворника.

– Ты представляешь, Ник, как это можно обыграть: глухонемой русский антисемит в исполнении Николсона дружит с талантливым еврейским скрипачом, которого сыграет Хофманн! Один не слышит музыки, а другой не понимает ничего из его мычания. А если представить, что дворник – гей! А? Жаль только, что парочка этих актеров своими гонорами съест весь бюджет фильма. Хотя под их имена можно любые деньги найти, а потом такие сборы на прокате сделать!

– В сценарии и для Мишел найдется характерный персонаж, – подсказал режиссеру Торганов.

– Ага, – скривился Спилберг, – ты еще предложи на какую-нибудь роль своего друга Шварценеггера! Получится, что вся съемочная группа состоит из оscarовских лауреатов. Кстати, а ведь это так и есть...

– Просто, кроме нее, никто не сможет это сыграть. Уличная проститутка, защищаясь, убивает богатого клиента – сексуального маньяка, на деньги из его кошелька открывает заведение...

Торганов вдруг понял, что несет несусветную чушь, замолчал, но великий режиссер смотрел на него внимательно. И тоже молчал.

– Может, ты и прав, Ник, – наконец произнес Спилберг, – Шварценеггера можно пригласить на роль главаря погромщиков. Приклеим ему бороду...

Окна новой квартиры выходили на Центральный парк. Квартирка была небольшая, арендная плата высокая, но Торганов мог себе это позволить. Мечта о собственном домике в пригороде отошла на второй план, но в том, что она осуществится, Николай не сомневался. Не было сомнений и в том, что настало время, когда все его мечты будут осуществляться – главное, мечтать о чем-то реальном, а не о заведомо несбыточном, вроде полета на Луну на собственном «Шаттле».

Мишел не звонила, он ей тоже. Газетчики и папарацци вдруг очень кстати забыли о нем. Ничто не мешало работе над сценарием.

В доме, куда переселился Торганов, проживали люди солидные: в основном офисные служащие и адвокаты. В друзья или в знакомые они не набивались. Встречаясь в подъезде или в

лифте, коротко кивали Николаю и теряли к нему всякий интерес. Телефон молчал, и это почти радовало. Личной жизни не было никакой. Лишь однажды он позвонил бывшей знакомой, с которой встречался недолгое время после того, как расстался с Джозефиной, и пригласил ее в ресторан. Она согласилась на встречу сразу.

Когда они познакомились, девушке было двадцать лет, она пыталась таскать Ника на дискотеки, но ему не нравились ни громкая музыка, ни бьющее по глазам мелькание лазерных лучей, ни запах марихуаны в туалете, ни вспотевшая от нескончаемых танцев собственная спина. Не нравилось все это, может быть, оттого, что на развлечения у него не было тогда денег. А девушка не представляла своей жизни без тусовок. Она была высокой, тонкой и грациозной, прекрасно танцевала и обольстительно улыбалась. Светлокожая мулатка, она носила мини-юбки и работала секретаршей в каком-то банке. Ночи с нею изматывали Торганова, впрочем, и его подругу тоже. Но все равно она каждое утро вскакивала ровно в семь, неслась в душ, а он в это время готовил кофе и тосты на двоих. Потом они завтракали, целовались у двери и на лестничной площадке в ожидании медленно ползущей скрипучей кабины лифта, мулатка исчезала, а он, вернувшись в постель, чтобы еще часок поспать, обнаруживал под своей подушкой ее трусики.

Теперь они встретились в тихом ресторане. На столиках горели свечи, а шаги официантов приглушали ковры. Чернокожий музыкант, сидя перед сверкающим белым роялем, негромко наигрывал Гершвина, а в воздухе висел аромат индийских благовоний.

Она вошла в зал в дорогом коктейльном платье, коротком и плотно обтягивающем стройное тело. Она почти не изменилась, но, когда Николай бросил взгляд на ее грудь, тут же объяснила:

– Силикон. Муж попросил.

– Ты замужем?

Вопрос прозвучал нелепо: она сама только что сказала о муже. Но Торганов хотел узнать совсем иное – только растерялся немного. Она была прежней, несмотря на силиконовую грудь и мелированные волосы, раскиданные по плечам разновеликими прядями.

Она кивнула, и пряди эффектно сверкнули.

– За своим бывшим боссом. Мы с ним сразу поженились после того, как я с тобой рассталась. Я встречалась с вами параллельно.

– Хорошо, что не перпендикулярно, – попробовал пошутить Николай.

Почему-то стало вдруг неприятно от того, что несколько лет назад его девушка спала еще и со своим боссом.

– А будущий муж был в курсе наших отношений?

– Естественно. Я ведь врать не люблю, честно ему все рассказывала. Говорила, что у меня есть еще парень. Только он бедный. А когда ушла от тебя, босс сказал: «Баста!» Он ведь итальянец. Его семья была против нашего брака, но он им объяснил, что я тоже католичка. Он был вдовцом, и у него две дочери от первого брака. Но теперь они обе замужем.

– Муж намного старше тебя?

– На тридцать лет.

– Ты по-прежнему работаешь у него в офисе?

– Нет, конечно. Он мне клуб купил. На свое имя, разумеется. Но там я управляю. Очень хорошая музыка, танцовщицы прекрасные. Если хочешь, познакомлю с девушками, может, выберешь какую-нибудь. Они все симпатичные и танцуют замечательно. Ты теперь знаменитость, так что можешь позволить себе красивую любовницу. Хотя что я говорю, ведь у тебя Мишел Майлз!

Они проговорили почти час, что-то съели и выпили по паре бокалов «Шато Петрюсс» девяносто первого года, а потом бывшая подруга спросила:

– Ты далеко живешь?

И тут же, не дожидаясь ответа, предложила:

– Поехали к тебе!

А он кивнул в ответ.

Поехали на такси, хотя пешком идти было не более десяти минут. Но она спешила.

Она даже квартиру не стала осматривать, войдя внутрь, сразу спросила: «Где спальня?» – и тут же стянула через голову коктейльное платье.

Николай, снимая ботинки, крикнул:

– А как же твой муж?

– А зачем ему знать? – донеслось из спальни. – Это раньше я была честной, теперь-то поумнела.

Через полчаса она, откинувшись на спинку кровати и поставив на живот Торганова пепельницу, курила, разглядывая комнату и французские офорты на стенах.

– Мишел Майлз тоже была в этой кровати?

– Здесь ее не было, – ответил Николай, – да между нами и нет ничего.

– Это ваши дела, – махнула рукой мулатка, отгоняя сигаретный дым от лица. – Сейчас продолжим, но у меня к тебе одна просьба.

Она погасила сигарету, раздавив о край пепельницы, сняла ее с торгановского живота и поставила на тумбочку.

– Милый, напиши для меня роль в своем сценарии! Хочу в кино сняться. Роль любая, могу раздеться: я без комплексов. Раньше маленькой груди стыдилась, а теперь у меня во какая! Посмотри!

Николай посмотрел, но не вдохновился.

– В другой раз, может быть, в том сценарии, над которым я сейчас работаю, роли для тебя быть не может: действие происходит в России сто лет назад.

– Скажи, что ты просто не хочешь!

– Да и на роли утверждает не автор сценария, а режиссер.

– Я и с ним договорюсь.

– Вряд ли. Спилберг не любит, когда на него давят.

Бывшая подруга встала с кровати.

– Тогда я пойду.

– Не забудь трусики, – напомнил Николай.

– Не забуду. Теперь я ношу трусики не дешевле пятисот баксов. С фианитами и натуральными серебряными нитями. Деликатная ручная стирка.

Она оделась в коридоре, где валялось на полу ее платье. Покрутилась перед зеркалом, потом подставила для поцелуя щеку и перед тем, как удалиться, вздохнула:

– Не думала, что ты мне откажешь. Милый, а ты случайно не расист?

Сценарий он сдал. Спилберг, прочитав, позвонил и сообщил, что ему понравилось, но придется немного доработать и кое-что переделать. Но все он сделает сам.

– Ты не против, – спросил Стивен, – если мы введем в эпизод девушку-мулатку? Меня тут познакомили с одной – очень грациозна!

– Делай, что хочешь. Только сто лет назад в одесских публичных домах не было грациозных негритянок! Там в Одессе до сих пор любят толстых с огромной и, учти, не силиконовой грудью.

Спилберг помолчал, а потом спросил:

– Ник, а ты случайно не расист?

Торганов дописывал сценарий второго фильма о русской графине, когда понял, что ему все надоело. Слава богу, иногда звонил мистер Руни, крайне заинтересованный в скорейшем запуске фильма в производство, и подкидывал, как ему самому казалось, свежие идеи.

– Ник, а что, если миллионер Бакси Меллоун попадет в аварию? Ехал на своей инвалидной коляске и упал с обрыва. Нет... На колясках катаются безногие, а он слепой. Значит, так, шел он со своей палочкой через дорогу, а тут несется на «Феррари» Аль Капоне и врежется прямо в него. Ник, в начале тридцатых «Феррари» уже были? Вот и я не помню. Но «Роллс-Ройсы» точно существовали. Значит, так: несется на своем «Роллс-Ройсе» слепой миллионер, а навстречу Аль Капоне на «Бентли». Бах! Лоб в лоб! Слепой миллионер при смерти, его водитель погиб, а Капоне попадает в тюрьму за неуплату налогов. Тут происходят всякие заморочки: перестрелки, забастовки, выборы президента, бодяжное виски из Канады, которым травится начальник полиции Чикаго Дик Трейси. А у Дика, в свою очередь, еще и несчастная любовь к нашей героине... И среди всего этого русская графиня гордо катает на инвалидной коляске своего мужа, потому что миллионер уже не только слепой, но и парализованный полностью после аварии. Как тебе это?

– Здорово, – согласился Торганов, – родственники миллионера делят его наследство, кое-кто уже положил глаз и на русскую графиню. А миллионер Бакси Меллоун на самом деле только притворяется парализованным, он даже видит все собственными глазами, потому что во время столкновения с «Бентли» шандарахнулся о лобовое стекло «Роллс-Ройса» лбом так сильно, что зрение восстановилось само собой.

– Точно! – восхитился мистер Руни. – Все как в реальной жизни. Я знал одного старика, который упал с велосипеда и разбил очки. Пошел заказывать новые и убедился, что видит и без них. А потом он женился на молодой. Только они вместе недолго прожили – его жену машина сбила, когда та дорогу переходила.

– А этот эпизод можно вставить в фильм? – спросил Николай.

– Конечно, конечно, – обрадовался Руни, – пусть кого-нибудь из родственников миллионера машина задавит. Или двух родственников. Чем меньше актеров останется на съемочной площадке, тем проще будет уложиться в бюджет.

– Может, еще кого устроим? – предложил Николай. – А то больно мало смертей получается.

– Точно! – согласился мистер Руни. – Я сейчас подумаю об этом и тебе перезвоню.

Думал он, вероятно, очень быстро, потому что не прошло и минуты, как телефон снова зазвонил.

– Кого еще надо убить? – спросил Николай.

Но в трубке повисла гулкая тишина. Потом далекий мужской голос робко поинтересовался:

– Я могу поговорить с мистером Торгановым?

– Это я, – признался Николай.

– Мистер Торганов, вас беспокоят из России. Я президент крупной издательской фирмы. Мы хотим издавать ваши книги на вашей исторической родине. Нам известно, что издательство «Леви, Леви энд Цуккер» обладает лишь правом издания и распространения ваших книг на английском языке. А мы хотели бы выпускать их на русском. Вы умеете писать по-русски?

– Я могу на нем даже разговаривать, – обрадовал издателя Торганов.

И тут же услышал, как его собеседник облегченно вздохнул.

– О'кей, – продолжил российский издатель, – то есть очень хорошо!

Последние слова он произнес на родном для них с Торгановым языке.

– Если честно, то мы уже перевели «Тихого ангела» на русский. Издали бы, но без контракта с вами не решились.

– Я подпишу контракт с вашим издательством, если, конечно, вы мне его пришлете и он меня устроит. А заодно переправьте рукопись, чтобы я прочел, что вы там напереводили.

– Мы решили выпускать «Тихого ангела» заводами по сто тысяч. Изучили рынок и думаем, что можно продать миллион экземпляров книги, если, конечно, продавать еще на Украине и в Средней Азии. А за каждый выпущенный экземпляр вы получите один доллар.

Торганов решил вдруг, что это какой-то розыгрыш, и притворно возмутился:

– Всего один доллар за каждый экземпляр? Да это форменный грабеж!

Издатель начал оправдываться и сбивчиво объяснять, что Россия теперь не самая читающая страна мира, к тому же не самая богатая, а книги покупают лишь самые неимущие слои населения, лишь те люди, которым приходится добираться на работу в переполненном метро. Знакомятся они с новинками литературы в экстремальных условиях: в давке и толкотне, когда кто-то пытается через плечо бесплатно прочитать купленную другим книжку и дышит в ухо перегаром. В общем, приобщение к чтению грозит порой потерей здоровья. Но ради настоящей литературы российские граждане готовы рисковать, однако платить высокую цену даже за хорошую книгу все равно не будут. А если учесть все затраты: издательские и полиграфические расходы, высокую стоимость бумаги и других материалов, налоги опять же, то доллар с книги – это потолок, выше которого...

Выпалив весь этот монолог одним духом, издатель вздохнул и прошептал:

– Ладно, пусть будет полтора доллара за экземпляр.

Только теперь Торганов понял, что его не разыгрывают, и спросил:

– Простите, а как вас зовут?

– Моя фамилия – Витальев. Можете называть меня просто Гриша.

– Гриша, я согласен.

Издатель снова вздохнул, на этот раз облегченно. И стал рассказывать о том, что они хотели бы получить эксклюзивные права на издание в России всех произведений Торганова, и если у него есть еще какие-нибудь рукописи, то можно заключить общий договор и наметить план выпуска.

– Россию собираетесь посетить? – поинтересовался Витальев.

– Летом, – ответил Николай, хотя даже не думал об этом.

Издатель обрадовался и заявил, что оплатит его пребывание в России, организует телевизионные выступления в разных ток-шоу, а также интервью в газетах. А пока можно заключить контракт на одну книгу – ту самую, что уже практически готова к печати, после чего немедленно на счет Торганова будет перечислен гонорар за первые сто тысяч экземпляров.

Через два дня Николай получил текст контракта в двух вариантах – на русском и английском языках, он подписал оба. Потом пришел перевод «Тихого ангела». Он был ужасным, и потому пришлось переписывать заново почти полностью весь роман. Но это оказалось совсем простым делом. Работалось ему легко и весело. Мистер Руни больше не звонил: сценарий второго фильма о русской графине он получил. В нем было все, о чем просил продюсер: и перестрелки, и драки, и авткатастрофа, и гибель нескольких родственников слепого миллионера, который в конце фильма прозревает окончательно и отдает часть своего огромного состояния на борьбу с сегрегацией.

Вскоре выправленная рукопись русского издания «Тихого ангела» полетела через океан. Издатель ознакомился с ней, позвонил среди ночи, поинтересовался погодой и сказал, что он в полном восторге. И не только он, но и жена, теща, даже его секретарша Вика целый день не могла работать, потому что рыдала над романом.

– Гонорар перечислили, – наконец сообщил Витальев самую радостную весть. И снова спросил: – Как у вас с погодой?

Вероятно, он намекал на визит Торганова в Россию.

Николай сделал вид, будто не понял намека.

– Сейчас у нас ночь.

Издатель извинился, еще раз напомнил о переведенной на счет Торганова сумме и, не прощаясь, отключился.

Николай снова лег в постель, но спать уже не хотелось. На часах было три ночи. Тогда он поднялся, не одеваясь, направился в кабинет и включил компьютер, но работать не очень-то хотелось, неожиданно вдруг вспомнилось детство, ленинградский двор, зажатый между двумя блочными многоэтажками, девочка-одноклассница, живущая в доме напротив, ее огромные синие глаза, в которые он заглянул однажды во время танца на школьном вечере – и вмиг позабыл длинноногую красавицу из американского боевика.

Руки сами легли на клавиатуру, и Торганов набрал первые строчки.

«Если для того, чтобы вернуться в тот далекий, растаявший во времени миг, надо уметь, то я готов умирать каждую секунду своего бытия. Но Бог дал мне слишком много здоровья, и я не способен испытать всю силу отчаяния, которое испытывают многие несчастные, цепляющиеся за жизнь в одной лишь надежде на ответную, бескорыстную и самоотверженную любовь».

Торганов посмотрел за окно: там за темными верхушками деревьев Центрального парка едва светилось подсвеченное огнями города чужое небо.

Господи, как звали ту девочку?

Он забыл почти все – какие-то мелкие обрывки воспоминаний проносились перед ним: лужи во дворе, горящие окна в доме напротив, стена, освещенная розовым солнцем, школьное крыльцо и девочка, попросившая его о чем-то; она улыбалась, и в ее глазах отражалось весеннее небо. Может быть, та девочка и была самым главным в его жизни. Но как ее звали?

«...Что-то неисполненное осталось там, куда невозможно вернуться и исправить собственную жизнь. Данное обещание забыто, а может быть, все, что происходит сейчас с ним, – это возмездие за глупые мечты о счастье, в котором нет ее – маленькой птички, певшей на подоконнике дома, где уже давно живут другие люди».

Торганов работал. Бледное солнце поднялось и осветило его комнату, но потом облака закрыли небо, и пронеслись тучи, гонимые шквальным ветром. Николай писал. От дождя он отмахнулся, как от назойливого гостя, постукавшего по оконному стеклу мокрой ладонью.

«...Все самое лучшее и самое чистое остается в детстве, и вся последующая жизнь – лишь возвращение...»

Торганов спешил. Почему-то очень хотелось закончить новый роман к лету.

А лето уже не за горами.

Позвонила Мишел.

– Как дела? – спросила она.

– Привет, – ответил он.

– Я уже прочитала сценарий.

– Ну и как тебе?

– Рыдаю.

– Неужели так плохо?

– Наоборот. Просто пытаюсь войти в образ. Но слезы мне мешают.

– Это всего лишь глупая сказка, – сказал Николай.

– Конечно, только мне безумно жаль героиню. Она любит скрипача, но спит с начальником полиции. И с главарем погромщиков.

– С Арнольдом?

– Вероятно, но только Шварценеггер еще не дал согласия на съемки. Сценарий он получил – в восторге от него и от своей роли. Но только боится играть отрицательного героя, почему-то ему кажется, что это навредит его политической карьере.

– Прости, но в моем сценарии твоя героиня ни с кем не спит.

– Я в курсе. Это Спилберг добавил остроты.

Мишел замолчала.

– У тебя кто-то есть? – после паузы услышал он.

Но что ответить, не знал. Наконец выдавил:

– Вряд ли.

– Хочешь, я приеду к тебе сегодня?

– А твой муж?

– Муж отнесется к этому спокойно. Я для него просто выгодное вложение капитала.

– Тогда, может, не стоит ломать его бизнес?

Мишел опять замолчала. Торганов ждал признаний, он даже не сомневался в том, что услышит их.

Но звезда произнесла тихо:

– Наверное, ты прав. Мы с тобой слишком разные. Мне сорок четыре года, у меня двое детей и четвертый муж, которого я не люблю, как и трех предыдущих.

Она вздохнула.

Николай поспешил ее утешить:

– У тебя есть призвание. Есть любимая работа. Миллионы мужчин любят тебя и мечтают о такой, как ты.

– А я не знаю, какая я на самом деле. В одном только уверена: сейчас мне нужен ты.

– Прости, но я не могу быть с тобой.

– Кого ты любишь, Ник?

– Россию, – соврал Николай.

Ирина Витальевна очень удивилась, узнав, что сын собирается в Москву.

– Мой бог! – воскликнула она, конечно же, на английском, так как давно не говорила по-русски. – Зачем тебе? Я понимаю, что интересы бизнеса... прости, интересы творчества вынуждают лететь. Но если без этого визита можно обойтись, почему бы тебе не отказаться? Грязь, нищета, преступность, некачественные продукты, да и те наверняка по талонам. Ты рискуешь здоровье загубить. Потом на лечение никаких денег не хватит.

Она вздохнула и положила руку на левый бок.

– Сегодня всю ночь плохо спала. Печень, наверное.

Тут Ирина Витальевна вспомнила, с какой стороны находится печень, и как ни в чем не бывало быстро переложила ладонь на другой бок и вздохнула еще раз. Посмотрела в большое зеркало на свою фигуру, явно осталась довольна тем, что увидела.

– Так ты надолго?

Николай пожал плечами: он и сам точно не знал.

– Как получится. Если тебе нужны деньги, то...

– Просто мне неудобно просить у Дастина: он в своей редакции зашивается. У его журнала проблемы с реализацией тиражей.

– Сколько тебе надо? – спросил Николай.

Теперь уже мать пожалала плечами.

Торганов достал из внутреннего кармана чековую книжку и выписал чек на десять тысяч.

Ирина Витальевна при этом отвернулась, показывая, что сумма ее не интересует.

– В Петербург заедешь? – спросила она, опять глядя на свое отражение в зеркале.

– Хотелось бы.

Николай протянул чек, Ирина Витальевна приняла его, быстро взглянув на неровный почерк сына.

– Как хорошо, что у тебя все так удачно сложилось, – вздохнула она в очередной раз, искренне радуясь успехам сына. – Теперь не мы, а ты можешь помогать нам.

Явный перебор: муж матери Дастин Кейн не был ни бедным, ни жадным.

– Будь осторожнее там, в России, – еще раз напомнила Ирина Витальевна, – много наличных не таскай при себе, с девушками тоже поаккуратнее: знаешь, сколько там авантюристок, мечтающих подцепить богатого иностранца!

Она обняла сына и шепнула ему в ухо:

– Будешь в Петербурге, воздержись от визита к отцу. Я, конечно, не могу требовать, но все же прошу прислушаться. У него теперь другая семья, другие дети – он забыл о тебе. Но наверняка наслышан о твоих успехах. Начнет денег просить, а ты ведь такой добрый и наивный...

Материнское напутствие больше смахивало на приказ. Наконец Ирина Витальевна отстранилась и произнесла уже громко и зло:

– Не давай ему ничего, как бы он ни просил. А то этот неудачник сделает из тебя дойную корову.

Он зашел к матери попрощаться, но сейчас уже жалел об этом. Можно было обойтись и телефонным звонком. Придется выслушивать то, что он уже слышал неоднократно. Мать не любила вспоминать свое советское прошлое, но уж если вспоминала, то потом не могла остановиться, рассказывая о тех годах с каким-то мрачным упоением.

– Вспоминать не хочется, – произнесла она привычную фразу, – ведь всю семью на себе тащила, пахала с утра до ночи... Работа адская, а у меня еще ребенок на руках и муж, который хуже ребенка...

– Ник, ты не за рулем? – спросил заглянувший в комнату Дастин. – Давай по сто граммов виски.

Он словно почувствовал, что Николаю нужна помощь.

– А мне сделай «дайкири», – попросила Ирина Витальевна, – только, умоляю, не клади много льда.

Дастин вышел, и слышно было, как он произнес по-русски, вспомнив полюбившееся выражение: «На посошок».

До отлета в Россию оставалось два дня.

– А может, и мне виски выпить? – спросила мать у Николая. – Когда мы еще увидимся?

Ирина Витальевна все же решила проводить сына, отправилась с ним в аэропорт Джона Кеннеди. Дастин Кейн тоже не захотел оставаться дома. Втроем они стояли в длинном зале, по которому бесконечным потоком двигались люди.

Мать посмотрела на большой кожаный чемодан, с которым Николай отправлялся в Россию, и посоветовала:

– Глаз с него не спускай. Особенно когда в Петербург прилетишь. И вообще, зачем тебе такой дорогуший чемодан? Купил бы какой-нибудь неброский – из пластика или кожзамени-теля. Не так ли, Дастин?

– Что? – не понял думающий о чем-то другом мистер Кейн. – Конечно, ты права. Я бы тоже хотел сейчас улететь в Россию.

– Зачем тебе Россия? Что ты там забыл?

– Мне было там хорошо, – ответил Ирине Витальевне американский муж, – там жила женщина, которую я любил, и она тогда меньше всего думала о качестве чемоданов.

Вскоре объявили посадку.

Мать обняла Николая и напомнила:

– К отцу лучше не ходи. Можешь себе жизнь поломать. Неудачники – они ведь заразные.

Часть вторая

Глава первая

За шестнадцать лет двор его детства почти не изменился, и Николай тут же все вспомнил. Разве что разрослись кусты возле домов и деревья вымахали. Деревянная зимняя горка – судя по облупившейся краске, та же самая, что и прежде, – возвышалась на детской площадке. Скамейки с выбитыми рейками прятались под ветками акаций. Вокруг скамеек земля вытоптана, тут же валялись бутылки и алюминиевые пивные банки. Солнце отражалось в лужах, оставшихся после недавнего ливня, по ним плыли облака и сорванные ветром желтые цветки акаций. Во дворе не было играющих детей, и только редкие прохожие пересекали его, стремясь более коротким путем добраться до станции метро. Вид был унылый и пустынный.

Только запах остался неизменным. Щемящий запах детства – смешение аромата цветущих одуванчиков на газонах, едкого духа недавно выкрашенных стен парадных, затхлого смрада подвалов. Пахло обедами, которые готовили хозяйки за обитыми потертым дерматином дверями.

В квартире бабушки никого не оказалось. Николай несколько раз надавил на кнопку звонка, а потом, приложив ухо к дверной щели, прислушался. Приглушенный стенами хрип звонка пробежался эхом по комнатам – и никаких других звуков.

Торганов прислонился к стене, но тут же отстранился и на всякий случай стряхнул пыль. Сел на свой чемодан и обвел взглядом лестничную площадку. Четыре квартиры, в них живут люди, имена и внешность которых он не помнит. Что-то всплывало в памяти, какие-то события и разговоры, но вспоминалось так нечетко, будто он бывал в этом доме редко и мимоходом. На этой площадке жил его одноклассник, но Торганов даже его фамилию помнил смутно. Может, и не стоило приезжать сюда, может, надо было лететь прямым рейсом в Москву, чтобы не сидеть сейчас на чемодане возле ободранной двери в детство и не мучиться, пытаясь вспомнить то, что и не нужно знать.

Отец, вероятно, на работе. Ему пятьдесят пять. Если у него новая семья, очевидно, и жена тоже работает. А бабушка? Жива ли она? В последний раз Николай разговаривал с отцом по телефону лет семь назад, когда у него еще только начиналась совместная жизнь с Джозефиной. Потом у отца сменился номер телефона, и Николай даже не пытался узнать новый, отправлял иногда запечатанные в конверт открытки с поздравлениями к Новому году или к Рождеству. Отец поначалу писал часто, потом все реже, а за два последних года – ни одного послания от него не было. То ли ему надоело отправлять письма в никуда, то ли обиделся на невнимание сына, а может, понял, что не нужен ему, и не хотел навязываться со своими проблемами, со своей бедностью, наконец.

Николай поднялся с чемодана, позвонил в соседнюю квартиру и почти сразу услышал за дверью приглушенный шепот:

- Кто там?
- Я к Торгановым приехал, к соседям вашим, а их нет.
- Правильно: нет их, – подтвердил женский голос.
- А когда будут, не могли бы сказать?
- Откуда мне знать? Они же теперь в Москве живут.
- Как в Москве? – удивился Николай. – И бабушка тоже?

Про бабушку он спросил специально, чтобы узнать – жива ли она. В этот момент лифт прогромыхал мимо, опускаясь вниз. За дверью соседей стояла тишина. Торганов понял, что за ним внимательно наблюдают в глазок.

– Я – сын Александра Михайловича, – громко произнес Николай, – вы не могли бы ответить?

– Я никому ничего не должна и вам докладывать не обязана, – отозвался сердитый женский голос. – Какой такой сын? У бывших соседей две дочки.

Лифт внизу остановился. Кто-то вошел в него, и кабина поползла наверх. Николай достал из пиджака старый советский паспорт и показал в глазок.

– Посмотрите: вот моя фамилия. А вот здесь – штамп с пропиской. Я прописан именно здесь. С другим вашим соседом Сергеевым в одном классе учился...

– Отойдите от двери, а то я милицию вызову.

– Простите, но я...

В этот момент на этаже остановился лифт. Из него на площадку вышел светловолосый мужчина, бросил взгляд на Торганова и пошел к двери квартиры напротив. Достал из кармана ключ, попытался вставить его в замочную скважину. Промахнулся, выругался вполголоса, посмотрел на Николая и прищурился:

– Колька, что ли? Хорошо выглядишь, блин, как я погляжу. А твоих нет: они в Москву слиняли. Давай ко мне! Ну, че смотришь, будто не узнаешь кореша? Я – Валька Серегин.

– Узнал, конечно, – неуверенно произнес Торганов и, обернувшись к соседской двери, сказал: – Простите, не смею больше беспокоить.

Подхватил чемодан и пошел через площадку.

– Не смеет он! – усмехнулся бывший одноклассник, заходя в свою квартиру, откуда пахнуло кислой капустой. – Как уехал в свою Израйловку, так сразу робким стал. А помнишь, как мы две бутылки водяры в универсаме стырили? Не боялся тогда!

Похоже, что в голове Вальки Серегина перепутались все воспоминания. Во всяком случае, Торганов знал про себя, что ничего и никогда не воровал, тем более водку.

– Да, сейчас бы сюда два этих пузыря! – мечтательно произнес бывший одноклассник. – Заодно и встречу отметили бы.

Квартира его была двухкомнатной и захлавленной ненужными вещами. В коридоре и в комнате стояли увесистые связки разобранных картонных упаковок от телевизоров и оргтехники.

– Пункт закрыли на месяц, – объяснил Валька, – так я их дома пока храню, а то если оставишь во дворе – обязательно кто-нибудь им ноги приделает.

– Ты в пункте приема вторсырья трудишься? – спросил Николай.

– Еще как тружусь, – обрадовался вопросу Серегин, – вкалываю сдатчиком. Только вот почти месяц ничего заработать не удастся, страдаю, а некоторые...

Он не закончил фразу и посмотрел на чемодан Торганова.

– Можешь оставить его у меня. Ничего с твоим чемоданером не случится. Если, конечно, в нем нет ничего ценного. Давай пока в магазин сбегает. Пивка возьмем, встречу отметим!

Пить пиво, а тем более водку с малознакомым человеком в планы Николая не входило, но он дал пятьсот рублей, хотя Валентин просил двести – просто не было купюр помельче. Серегин исчез на полчаса, потом вернулся с полиэтиленовым пакетом, наполненным бутылками водки и пива. Вместе с ним пришел и еще один мужик с опухшим лицом.

– Вот, – сказал Серегин, – узнаешь или нет?

Торганову не надо было вглядываться: этого человека он видел впервые.

– Ну, ты че? – не поверил Валентин. – Это же Андрюха Бородавкин – он тоже вместе с нами учился.

Человека с такой примечательной фамилией Торганов не забыл бы никогда, но он не помнил. Пожал плечами и улыбнулся:

– Ребята, я пить не буду.

Но отказываться пить водку в России то же самое, что в Штатах отказываться от пирога в День благодарения. Его заставили пить за встречу, потом за класс, за весь педагогический коллектив и за каждого учителя в отдельности. Вспоминались разные истории, произошедшие не с ним, и за каждую историю тоже надо было пить. Потом Серегин достал альбомы со школьными фотографиями и демонстрировал их гостю.

– Вот это я в первом классе, – говорил он, – это тоже я. Это моя бабушка. Царствие ей небесное. Это... не помню кто. А вот весь наш класс. Кстати, Бородавкин, а ты где?

Бородавкин пьяно улыбался и тыкал пальцем во все лица подряд.

– Ах, да, – вспомнил хозяин квартиры, – ты же с нами полгода всего и учился, а потом тебя в параллельный перевели, а после восьмого ты в ПТУ пошел.

– Куда пошел? – напрягся Бородавкин. – За это и ответить можно!

Но Валентин, казалось, не заметил угрозы, продолжая показывать Торганову школьные фотографии.

– Вот это Витек Сушкин, он сейчас сидит за ограбление тещи – три года впаляли ни за что. Это Вадик Разумовский – в Чечне его убили. Эта рыжая стерва – моя жена Люська Волобуева. Я с ней два раза разводился, а сейчас снова вместе живем – как-никак, двое детей. Дети на даче, и она с ними, наверное. Это Демин, который в олигархии, гад, подался – ларьки вокруг пооткрывал, а мне бутылку пива в долг дать не хочет...

Серегин показывал фотографии детей и рассказывал, кто кем стал или не успел стать. Но Торганов никого не узнавал. И все же интересовался.

– А эта девочка?

– Да какая это девочка! Это Машка Мироненко. Она теперь официантка в одном шалмане, четыре раза замужем была. Это Иванов, но что с ним, не знаю – затихарился где-то. А это... как ее – отличницей была. Потом, говорят, мужа замочила и всю семью – ей расстрел дали.

Николай посмотрел на маленькое личико с печальными глазами и не вспомнил.

– А это кто? – удивился Валентин. – Узнать не могу. Так ведь это ты и есть! Ну, да – Торганов и есть: мой лучший друг, с которым мы два пузыря водки в универсаме увели...

Николай посмотрел на лицо мальчика и не узнал, хотя что-то смутно тревожное шевельнулось в нем.

– Послушай, Колька, – восторженно бывший одноклассник, – хочешь бизнес проверить? У меня идея классная есть. Я же одно время шофером на станции «Скорой помощи» вкалывал. У меня там до сих пор дружбаны остались. А вчера я санитаря встретил, так он мне сказал, что они три новые машины получили, а две старые будут списывать. Ты денег дай, мы «рафик» купим, перекрасим, а потом поставим его на линию, как маршрутное такси. Знаешь, сколько бабок огрести можно!

– Я подумаю, – пообещал Николай.

– Думай быстрее, – посоветовал Серегин, – а то другого инвестора найду. А пока дай еще сотню: я за пивом сбегаю.

Еще дважды бегали в магазин, а когда в очередной раз подошли к квартире Серегина, на площадку выглянула та самая соседка, которая разговаривала с Торгановым через дверь. Николай увидел ее и понял, что эта женщина живет здесь недавно. Прежние соседи были люди тихие.

– Ну, вот, – закричала она, – не успел вернуться, снова пьянку закатил!

Похоже, что все соседи приняли Николая за кого-то другого.

– Простите, – сказал он, – я сегодня уже уезжаю. Может, у вас есть номер телефона моего отца? Вдруг он вам оставил на всякий случай?

– А чего ты не спрашивал! Есть, конечно.

Она скрылась в квартире, закрыла за собой дверь, но вскоре появилась снова с клочком бумаги в руке.

– Вот, звони! Твоя бабушка телефон оставила, когда уезжала.

Он взглянул на листок и сунул его в карман.

День закончился удивительно быстро. Как он оказался на вокзале и в купе поезда, Николай не мог потом вспомнить. Сны в поезде ему обычно не снились. И все же, проваливаясь куда-то, уже находясь на пути к беспмятству, Коля вдруг с тревогой и тоской понял, что летит сейчас совсем не туда, куда стремился.

«Ну, хоть отца увижу, – подумал он, – помогу ему. Дам денег... Выпью с ним пива...»

В далекие советские времена Александр Михайлович Торганов пахал журналистскую ниву, работая корреспондентом в многотиражке Кораблестроительного института. Газета была двухполосной – всего один листок формата А3, «горчичник», на жаргоне журналистской братии. Газета выходила раз в неделю, работа была не пыльной, и платили за нее немного – сто двадцать рублей в месяц, из которых тринадцать процентов составлял подоходный налог и еще один – профсоюзный взнос. Так что в коммунистическую партию Александр Михайлович не вступал из соображений экономии семейного бюджета, чтобы не платить еще и партийные взносы. Жене он отдавал ровно девяносто рублей, оставляя себе четырнадцать с копейками на сигареты и пиво – этих денег Александру Михайловичу, по-видимому, хватало. Кружка пива в уличном ларьке стоила двадцать две копейки, а пачка сигарет без фильтра «Аврора» – четырнадцать. На транспорт ему тратиться не приходилось: два месячных проездных билета полагались двум сотрудникам газеты по редакционной смете. На девяносто рублей невозможно, конечно, содержать семью из трех человек, один из которых к тому же – молодая красивая женщина. Слава богу, что у Ирины Витальевны была неплохая профессия – она работала гидом-переводчиком в городском бюро путешествий и экскурсий. Зарплата у нее была такая же, сто двадцать рэ, но иностранные туристы, которых она возила в экскурсионном автобусе по Ленинграду и пригородам, все же – не студенты Корабелки: в благодарность они оставляли красавице-гиду разные презенты в виде советской десятки, вложенной в набор сувенирных открыток, или коробочки с колготками. Открыток в доме накопилось много, да и пустых коробочек с изображенными на них полуобнаженными худыми красотками валялось по углам немало. Иногда к Ирине Витальевне обращались подружки с просьбой продать им импортные колготки, что мать Коли и делала с удовольствием за все те же десять рублей.

Иногда по вечерам, засыпая, маленький Коля слышал, как мать возмущается на кухне.

– Саша, – говорила она мужу, – ты бы хоть в КПСС вступил, взяли бы тебя в городскую газету, зарабатывал бы больше, а то я вкалываю как проклятая – всю семью на себе тащу.

Обычно эти разговоры начинались после того, как мать возвращалась из ресторана, куда ее регулярно приглашали довольные иностранные туристы.

– Я меньше двухсот пятидесяти домой не приношу, а то и поболее, – громко шептала за стеной Ирина Витальевна, – рискую своей свободой, принимая эти подачки, а тебе на все наплевать – хочешь, как Сергей, всю жизнь проходить в старом пиджаке с рваной подкладкой!

Сергей Довлатов был редактором газеты «За кадры верфям», в которой единственным корреспондентом являлся отец маленького Коли. Часто Довлатов заходил к ним домой с бутылкой водки, ставил ее на кухонный стол и распахивал полы клетчатого пиджака, демонстрируя жене своего подчиненного истертую подкладку:

– Вот так живут советские журналисты!

Ирина садилась с гостем и мужем за стол, выпивала пару рюмочек, морщась, а когда водка заканчивалась, ставила на стол бутылочку «Джонни Уокера» или «Белой лошади», которые ей иногда презентовали иностранцы. Ей было жалко виски, но Довлатов все же был начальником мужа.

Николай не помнил Довлатова – тот эмигрировал в Штаты, когда Коля был еще маленьким. Редактором вузовской газетенки стал другой человек, а когда он внезапно умер на собственной кухне, назначили Торганова-старшего. Зарплата увеличилась на тридцатку, но перебранки родителей продолжались. Отец, правда, не ругался, может быть, злился, но только отшучивался.

– В стране началась перестройка, – говорила мать, – не теряй времени, Саша, вступай в партию, подготовь какой-нибудь острый материал, тебя заметят и пригласят в городскую газету. Рублей двести будешь зарабатывать, карьеру сделаешь.

– Зачем мне городская карьера? – отвечал Александр Михайлович. – Зачем, когда международная светит? Мне Серега письмо прислал: предлагает стать зарубежным корреспондентом его газеты. Подождать только надо немного, а потом каждый месяц будет платить по двести долларов.

Двести долларов по черному курсу восьмидесятых – это восемьсот рублей. Но мать ждать не хотела. Сергей Довлатов и в самом деле учредил в Нью-Йорке русскоязычную газету «Новый американец». Газета его была таким же «горчичником», как и институтская многотиражка, но у нее дела шли намного лучше, чем у «За кадры верфям». Тираж «Нового американца» был наверняка не тысяча экземпляров, а гораздо больше – эмигранты из СССР потянулись в Нью-Йорк косяком, и многие по утрам покупали газету на единственно известном им языке.

Но Ирина Витальевна не могла больше ждать.

Глава вторая

Николай проснулся, услышал ритмичный стук, покачивание и несколько секунд не мог понять, где он. Потом открыл глаза и вспомнил, что едет в Москву. Он вышел в коридор вагона и постоял некоторое время, глядя на пролетающие за окном московские пригороды. Наконец набрал номер издателя. Тот отозвался мгновенно и сказал, что уже подъезжает к вокзалу. Опуская мобильник в карман, Николай нащупал в нем бумажку, достал. Посмотрел на номер телефона отца и сунул клочок обратно.

«Позвоню как-нибудь», – решил он.

Витальев встретил его возле дверей вагона. Издатель был одних лет с Николаем, может быть, чуть старше, но если учесть вчерашнюю пьянку, то разница в годах могла оказаться не в пользу Торганова.

Господин в дорогом сером костюме улыбался на перроне, держа в руках букет белых роз и наблюдая, как Торганов, багровея от усилий, с трудом выволакивает из вагона кожаный чемодан. Господин шагнул ему навстречу и представился:

– Григорий Михайлович Витальев – это я.

Он тут же хотел вручить Николаю букет, но вовремя одумался, представив, что ему в этом случае придется самому тащить писательскую ношу. Рядом тут же появился носильщик, и Витальев поставил чемодан на его тележку, после чего протянул букет Торганову.

Николай принял цветы, не стал благодарить, усмехнулся только:

– Белые розы? – И добавил с улыбкой: – Как невесте.

При этом старался дышать в сторону.

У стены вокзала издателя дожидался дорогой «Мерседес» с молчаливым водителем. У водителя на шее было три складки и одна золотая цепь. Торганов не поинтересовался, куда они направляются, а Витальев сообщал ему все новости. Главной была та, что книга Николая расходуется хорошо: уже отгружено почти двести тысяч экземпляров, и заявки продолжают поступать из всех регионов страны и даже из Израиля. Теперь автору полагается еще какая-то часть гонорара, а потому в ближайшие дни на его счет будет перечислена определенная сумма. Кроме того, уже имеется договоренность о телевизионных и газетных интервью с обладателем «Оскара», а также об участии Николая в качестве почетного гостя в нескольких телевизионных ток-шоу.

– Вопросы, которые будут вам задавать, уже подготовлены и переданы мне, – предупредил издатель.

Потом он помялся немного, вздохнул и посмотрел на Торганова с некоторым сочувствием:

– Только они большей частью касаются не вашего творчества, а личной жизни.

– Я понимаю, – кивнул Николай.

Почему-то ему показалось, что вопросы эти издатель сам же и придумал. Или кто-нибудь из его подчиненных: если фирма Витальева крупная, то в ней наверняка есть служба, занимающаяся пиаром. Впрочем, это неважно – главное, что Витальев держит слово, и если он готов тратиться на телевизионные интервью, то рассчитывает на прибыль, а значит, книги Торганова будут издавать массовыми тиражами.

Витальев объяснил:

– Просто большинство наших читателей знают из прессы о вашей дружбе со Шварценеггером и...

– И Мишел Майлз, – опередил его Николай.

Издатель кивнул, а Торганов заметил, что шея водителя дрогнула. Наверное, от восхищения, что везет такую высокопоставленную персону. А может, от зависти.

– Эх, – восторженно выдохнул Витальев, – как же она мне нравилась! Я в детстве раз двадцать смотрел «Невесту мафии»!

Шея водителя побагровела. Вероятно, от напряжения – судя по всему, он смотрел старый фильм еще чаще, чем его босс.

– Смотрел и восхищался, – продолжал вспоминать Витальев, – какая женщина! А тот эпизод с бассейном!..

Машина затряслась и вильнула в сторону.

– Какая фигура! – воскликнул издатель. – А ноги! Фантастика! Самые длинные ноги в Голливуде!

– Ы-ым, – донеслось с водительского кресла.

Витальев покосился на шофера и шепнул Николаю:

– Когда вы, мистер Торганов, видели ее в последний раз?

– Вообще-то я думал, что мы станем говорить о литературе, – сказал Николай.

– Еще успеем, – замахал руками Витальев, – сегодня посетим баньку, чтобы прийти в себя. Там и поговорим, но сейчас, если не трудно, ответьте, когда вы видели ее в последний раз, она была все так же хороша?

– Я видел ее три дня назад: Мишел стала еще прекраснее.

– Ух, ты! – задохнулся издатель.

А «Мерседес», в котором они мчались неизвестно куда, заскрипел тормозами, его повелоюзом, но все же водитель выровнял автомобиль и удачно проскочил перекресток на красный свет перед носом огромного туристического автобуса.

А ведь они действительно встретились перед его отъездом.

– Я в Нью-Йорке, – сказала Мишел, – очень хочу увидеться.

– Приезжай ко мне вечером, – ответил Николай и положил трубку.

Он смотрел на телефонный аппарат, стилизованный под старинный – начала двадцатого века, якобы изготовленный из слоновой кости, на самом деле из мутного пластика и бронзы. Сердце билось спокойно и ровно – так, словно он и не ждал ее все эти четыре месяца. Вспоминал – да, даже очень часто. Впрочем, и встреча была не нужна ему – зачем? Даже то, что произошло тогда после вечеринки на вручении «Оскаров», осталось в памяти, но не в сердце.

Мишел вошла в его квартирку стремительно, сняла темные очки, сдернула с головы платок, тряхнула волосами, рассыпавшимися по плечам, и только после этого обняла Николая.

– У нас мало времени, – шепнула она, – потом поговорим.

Но поговорить-то как раз не удалось. На все его расспросы относительно подготовки к съемкам фильма она отвечала: «Потом, потом!» или «Подожди немного».

Ушла Мишел, не дождавшись утра, когда Николай отправился на кухню, чтобы взять из холодильника бутылку шампанского. Решил прихватить гроздь винограда, нарезать сыр – он крошился, а Николай торопился. Услышал, как прозвучали в коридоре ее шаги, выглянул: Мишел уже стояла у входной двери.

– Прости, но у меня дела, – сказала она.

И помахала пальчиками. Выскочила из квартиры, а он не помчался за ней – не потому, что был голый, а потому, что понял – нет смысла.

Лифт уже пришел, а Ник стоял в дверях, прикрываясь кухонным полотенцем:

– Я поражаюсь, что у вас за гены? – усмехнулась Мишел.

– У кого? – не понял Торганов.

– У русских. Все знают, что у Спилберга предки из России, у Харрисона Форда русские корни. У Дастина Хоффмана вроде тоже. Хелен Миррон – та, что «Оскара» получила за

роль королевы, из России оказалась. У нее до сих пор мама в Москве живет. Николсон как-то напился и наврал мне, что он русский и фамилия его Николаев. Почему все так этим гордятся?

– Потому что каждый русский немножко Бог.

– Глупо так считать, – сказала Мишел и покачала головой, перед тем как войти в лифт.

Торганов выпил шампанское один. А когда вернулся в спальню, то увидел на прикроватной тумбочке фотографию Мишел с аккуратной надписью: «Кажется, я начинаю тебя любить». Но кому это адресовано, непонятно. Фотографию с такими словами можно подарить кому угодно.

Глава третья

Витальев привез Торганова к высокому новому дому и сообщил, что Николай будет жить здесь на протяжении всего времени своего пребывания в России. Если квартирка понравится, разумеется. Торганов согласился сразу: ему было все равно, где жить, тем более что в Москве он не собирался задерживаться надолго. Мог бы и в гостиничном номере перебиться, но гостиницы утомляют обилием посторонних и не всегда приятных людей, постоянно встречающихся в унылых коридорах.

Квартира располагалась на пятнадцатом этаже, окна выходили на такие же высокие дома, между которыми просвечивали далекие холмы. Две комнаты: одна просторная гостиная – она же и кухня-столовая, со встроенной мебелью, а вторая оказалась спальней с широкой кроватью и портретами Достоевского и Тургенева на стенах. Квартиру, судя по всему, подготовили специально для приема Николая. Мебель оказалась новой и недешевой, шторы на окнах повесили явно накануне – они сохраняли еще складки от долгого хранения в фабричной упаковке. Холодильник был забит продуктами, бутылками с немецким пивом и русской водкой.

А Витальев достал из своего портфеля еще и бутылку «Хеннесси».

– Может, по рюмочке за встречу? – предложил он.

– Спасибо, но я уже вчера выпил за встречу с бывшими одноклассниками.

Издатель внимательно посмотрел в лицо Торганова и настаивать не стал.

– О'кей, – сказал он, – тогда располагайтесь. Сегодня пятница – все равно до понедельника никакой работы у нас не будет. Если захотите посетить музей или в Большой театр сходить, позвоните мне – я все устрою. А если будет время, посмотрите текст с вопросами вашего газетного интервью: я его оставил на столе.

Издатель, попрощавшись, ушел. А бутылка «Хеннесси» так и осталась стоять на столе.

Время приближалось к полудню, Торганов чувствовал себя опустошенным. Сил не было никаких. Поначалу Николай решил, что накануне слишком много выпил, но потом догадался, что сказывается разница во времени: в Штатах сейчас только четыре утра. Лучше всего было бы прилечь и поспать, но и на это не было сил. Торганов взял листы с вопросами, чтобы ответить на них, и удивился: кто-то уже это сделал за него.

«Вопрос: Вы, гражданин России, по семейным обстоятельствам оказавшийся в Соединенных Штатах, стали известным писателем. Вас знают и любят во всем мире, вашими книгами зачитываются самые широкие слои населения. Как вам удалось сохранить не только ясность мысли, но и такую чистоту русского языка?»

Насчет ясности мысли тот, кто придумал вопрос, явно перегнул. Сейчас Николаю ничего не лезло в голову, да и сама голова осталась где-то далеко, а потому содержание подготовленного ответа показалось непонятным и странным.

«Ответ: Я никогда не порывал связи со своей родиной. Здесь у меня остались близкие мне люди: родственники и друзья. Проживая за границей, я думаю и пишу по-русски. Но так уж получилось, что на мои первые публикации обратили внимание литераторы русского зарубежья: Сергей Довлатов, Иосиф Бродский, Василий Аксенов...»

Явная чушь! Торганов подумал и вычеркнул «Василий Аксенов». Потом хотел вычеркнуть и Бродского – уже нацелился ручкой, но не стал этого делать. Бродского он однажды видел: был на его лекции.

«Вопрос: Сейчас среди ваших друзей такие известные деятели киноискусства, как Арнольд Шварценеггер, Стивен Спилберг, Мишел Майлз... Что дает вам общение с ними?»

Николай отложил листы с текстом интервью в сторону: не хотелось ни читать, ни править ответы. Мобильный телефон лежал на столе, а листок с номером отца в кармане, и Торганов

нов решил позвонить. Он дважды набирал номер и дважды сбрасывал его, не зная, что станет говорить.

И все же позвонил.

– Привет! Как хорошо, что ты не забыл меня, – обрадовался Александр Михайлович после того, как Николай назвал себя, – а то я уж начал думать, что ты стесняешься своего русского отца. Кстати, откуда ты знаешь этот номер? И где ты?

– Соседка твоя бывшая дала. Я сейчас в Москве.

– Надолго приехал?

– Пока не знаю.

– Где думаешь остановиться? Поживи у меня: особого комфорта не обещаю, но все же это лучше, чем в гостинице.

Николай объяснил, что ему предоставили квартиру, где он рассчитывает не только пожить какое-то время, но и поработать в спокойной обстановке. Александр Михайлович не обиделся, спросил только адрес, но Николай не знал ни названия улицы, ни номера дома. Увидеть отца захотелось очень сильно. Вспомнилась вдруг мать, отговаривавшая его от встречи: она постоянно напоминала о том, что отец наверняка будет просить денег. Понятно, конечно, это всего лишь неуклюжая попытка оправдать свою неприязнь к бывшему мужу, и все-таки... Николай опустил глаза и увидел лист с интервью.

«Вопрос: Вы родились в обычной советской семье. Ваш отец, как стало известно нашей редакции, был журналистом, а теперь он.....»

Как относится он к вашей нынешней популярности?»

Точки означали, что Николай сам должен вписать то, кем стал его отец, наверняка прозябающий в безвестности и нищете. От этого стало вдруг горько на душе. Дурацкий вопрос: как он относится?

– Давай увидимся прямо сегодня! – предложил Александр Михайлович. – Я, правда, сейчас на работе, но через пару часов отправлюсь на рыбалку. Если ты не возражаешь, посидели бы с удочками, как когда-то.

– Можно, – согласился Николай.

– Тогда узнай свой адрес, перезвони мне, я заеду.

Ровно через два часа Николай спустился вниз, вышел на крыльцо дома и огляделся. Почему-то казалось, что отец приедет или на стареньком «Москвиче», или на ржавых «Жигулях». Когда они жили в Ленинграде, отец не мог купить и такую, даже самую старую машину, но теперь его благосостояние, вероятно, возросло, раз он мотается на рыбалку на собственном автомобиле.

У крыльца был припаркован только представительский «Ауди-8» – других машин не оказалось. Николай знал, что отец вот-вот подъедет, ожидал встречи с ним и волновался. Но долго ждать не пришлось. Из «Ауди» вышел немолодой мужчина в джинсовом костюме и помахал Николаю рукой. Это был его отец. Он стоял и улыбался, не делая навстречу и шага. Отец был не молод, но далеко еще не стар, он остался почти таким же, каким помнил его Николай. Только поседел. Они обнялись, и Александр Михайлович, целуя сына, спросил:

– Как мама поживает?

– Молодеет с каждым годом, – ответил Коля.

Они сели в машину, и водитель, не дожидаясь команды, тронул с места.

– Твой автомобиль? – удивился Николай.

– Служебный.

– А кем ты работаешь?

– Спичрайтером, – ответил Александр Михайлович и, не объясняя ничего, стал расспрашивать сына о его жизни.

Они неслись по Москве, Николай говорил о том, что с ним произошло в последние годы: о неудачном браке с Джозефиной, о том, как начал писать, как поступило неожиданное предложение от известной продюсерской фирмы...

– Кстати, твои сто долларов, что ты мне послал тогда, – вспомнил отец, – пришли как нельзя вовремя. Газету закрыли, я сидел без работы, жена тоже, младшая дочка только родилась, жрать было нечего. Я толкался на рынке у метро, помогая ларечникам разгружать товар – по специальности устроиться было невозможно, и вообще в стране царил страшная безработица, да и работающим по несколько месяцев не выплачивали зарплату. Сто долларов тогда были огромные деньги: мы на них почти три месяца жили. А потом мне повезло: позвонил знакомый и предложил работать у него.

– Спичрайтером?

– Тогда еще нет. Это потом, когда его в Москву перевели, он и меня взял с собой. Сейчас на жизнь не жалуюсь, а тобой горжусь. Жена смотрела трансляцию вручения «Оскара», и вдруг: «Саша, Саша! Быстрее беги сюда. Твоего сына показывают!»

– У тебя дочь? – вспомнил Николай. – Я о ней ничего не знаю.

– Две дочери, – улыбнулся Александр Михайлович, и Коля вспомнил слова питерской соседки. – Одна через год школу заканчивает, другой четырнадцать осенью будет. А я не говорил с тобой о них, потому что не знал, как ты к этому отнесешься. Вдруг расстроишься? И потом, Ирина была против нашего общения даже по телефону.

– С чего вдруг? – не понял Николай. – Наоборот, я даже рад, что у меня гораздо больше близких людей, чем я мог себе представить.

Машина свернула с оживленной трассы, некоторое время неслась мимо какого-то парка. Деревья росли рядом с дорогой, и Николаю показалось, что вскоре они прибудут на место – на берег реки или озера. Но вместо этого они въехали в ворота с полосатым шлагбаумом, миновали пару невысоких строений и оказались на открытом поле, где стояло несколько вертолетов.

– Ну, вот, – произнес Александр Михайлович, выходя из автомобиля, – теперь пару часов лета – и мы на месте.

– А где хоть придется рыбу ловить? – поинтересовался Николай.

– На Белом озере. Там прекрасная база, да и сам городок Белозерск – древний, на триста лет старше Москвы. Его посмотрим, а перед вечерней зорькой на катере выйдем на озеро и в тишине посидим.

Вдвоем они подошли к вертолету, и, залезая внутрь, Николай спросил отца:

– Так у кого ты спичрайтером трудишься?

– У президента, – негромко ответил Александр Михайлович.

– Президента чего?

– России, – улыбнулся отец и подмигнул Николаю.

Глава четвертая

Не было и пяти часов дня, когда вертолет доставил их на место. Перед тем как опуститься на небольшой площадке, они облетели город, но сверху Николай не увидел ничего примечательного, разве что несколько древних церквушек. Зато отец восхищался: «Какая красота! Какая красота! Ты посмотри только!»

Коля смотрел, но восторга не ощущал. Зато огромное озеро привлекло его внимание: сверху оно, словно оправдывая свое название, действительно казалось совсем светлым, почти белым.

Когда вышли из вертолета и направились к небольшим бревенчатым коттеджам, навстречу им из одного домика вышел высокий крупный мужчина с лысиной на полголовы.

Поравнявшись с Торгановыми, он протянул руку отцу:

– Приветствую вас, Александр Михайлович. Располагайтесь, отдыхайте. А мне вот не доведется сегодня щучьими котлетками себя побаловать. Не успел прилететь, как опять в Москву вызывают.

– Тогда через неделю встретимся, – произнес Торганов-старший.

– Через неделю у дочери день рождения. Круглая дата – двадцать пять лет: не бросать же ребенка в такой день.

Мужчина посмотрел внимательно на Николая и обернулся к Александру Михайловичу:

– А это, случайно, не ваш сынок?

– Он самый, – кивнул Торганов, – и не случайно, между прочим.

– Как же, как же! – обрадовался лысый. – Гордость нашей литературы! Как мы тут все радовались! Это же не Олимпийские игры, а покруче! Олимпийских чемпионов у нас пруд пруди, а оскароносцев только четверо: Бондарчук, Меньшов, Михалков и вот теперь Николай Торганов.

– Но они-то получили свои награды за советские или российские фильмы, – скромно напомнил Коля, – а я – за американский.

– Да, какая разница! – продолжал радоваться лысый. – Вы-то русский человек, значит, и награда наша – российская. И это, между прочим, еще не все.

Он зачем-то погрозил Коле пальцем, словно хотел пожуричь его за какой-то проступок.

– Это еще не все, – повторил лысый. – Насчет вас есть кое-какие соображения. Но об этом потом. А пока...

Патриотически настроенный знакомый отца еще раз внимательно окинул Николая взглядом с ног до головы.

– Послушайте, Николай Александрович, приглашаю вас на день рождения моей дочери Алисы. Там мы поговорим в более приватной обстановке. Может быть, к тому времени мне удастся кое-что решить и предложить вам нечто, наверное, не столь значительное, как «Оскар», но все же.

– Не знаю, – пожал плечами Коля, – будет ли время.

– Времени у вас будет предостаточно, если я захочу, – совершенно серьезно сказал лысый, – а неделя – это вообще не срок: пролетит, не заметите. Но сейчас простите: я должен мчаться на том самом ветрокрылом аппарате, который доставил вас сюда.

Он пожал руку отцу и Коле, после чего поспешил на вертолетную площадку.

– Кто это? – спросил Николай.

– Пал Палыч Шабанов, – объяснил Александр Михайлович, – или просто «ППШ» – крупный чиновник в администрации президента. Влиятельный человек во многих сферах.

В озеро вышли на катере, в полукилометре от берега встали на якорь и расположились на корме с удочками. Поначалу отец пытался забрасывать спиннинг, но безуспешно.

– Рановато еще, – объяснил свою неудачу Александр Михайлович, – щука здесь хорошо на блесну берет только в августе.

Особенного клева не было: за полтора часа на двоих вытащили полтора десятка не очень крупных подлещиков. Но Николая это ничуть не расстроило. Он смотрел по сторонам: на озеро, на поросшие лесом холмы на берегу, на розовое солнце, скатывающееся в озерную гладь. Заметил на горизонте узкую полоску мыса, которая заканчивалась возле какого-то сооружения, поднимающегося прямо из воды, и показал на него отцу:

– А там что?

– Монастырь. То есть когда-то был монастырь, а теперь колония для пожизненно осужденных. В этом заведении сидят самые злостные преступники, которым смертную казнь заменили пожизненным заключением: серийные убийцы, маньяки, террористы... Шансов на помилование или сокращение срока у них никаких.

– И мужчины, и женщины? – поинтересовался Николай.

– Это исключительно мужская колония, в народе ее называют «Черный дельфин». Но неподалеку есть и женская – «Серый лебедь». Большинство здешних заключенных не выдерживают условий содержания, пишут прошения, чтобы приговор о смертной казни привели в исполнение. Им, разумеется, даже не отвечают. А заключенные ждут смерти, ждут... Многие сводят счеты с жизнью прямо в камере.

– Лучше об этом не думать, – поморщился Николай.

– Лучше не знать, – поправил отец.

Клев начался, как только солнце опустилось в озеро где-то за бывшим монастырем. Очень быстро надергали из воды не только подлещиков, но и судаков, и сигов, и крупных окуней. Александр Михайлович, воодушевившись, снова и снова забрасывал спиннинг и уже подцепил на блесну пару двухкилограммовых щук.

– Пожалуй, достаточно, – сказал он.

Николай обернулся, чтобы посмотреть на умирающий вечер. Сумрак скрыл границу между водой и небом, но уже светила луна, направив к лодке узкую серебряную дорожку. Прямо по этой полоске плыл лебедь. В лунном сиянии он казался серым. Не доплыв до лодки, лебедь свернул в сумрак и вскоре исчез из вида.

Заработал мотор. Отец направил катер к берегу, а Николай продолжал всматриваться в темноту, надеясь разглядеть пропавшую во мраке птицу. К пирсу причаливали уже в кромешной темноте, и если бы не фонарь, то пришвартоваться было бы проблематично.

Выйдя на пирс из катера и вытаскивая ведро с уловом, отец вдруг продолжил недавний разговор:

– В стране сейчас около миллиона человек находятся в заключении, многим преступникам суды определяют условный срок, потому что и тюрьмы, и колонии переполнены. Вполне вероятно, что есть и невинно осужденные, они страдают ни за что. Но о тех, кто там... – Александр Михайлович мотнул головой в сторону темного горизонта: —...и в самом деле лучше не вспоминать. Нет на свете этих людей. Да они и не были людьми, когда совершали свои преступления.

Они подошли к своему коттеджу, возле которого располагалась увитая плющом беседка. За ее окнами горел свет, виден был сервированный стол и спинки мягких кресел.

– Нас ждут, – шепнул Александр Михайлович сыну.

Николай повертел головой, но никого вокруг не было видно.

– Сейчас мы с тобой баньку посетим, – сказал отец, – попаримся немного, через часок выйдем, а тут нам шашлычки из осетра приготовят, котлетки щучьи подадут, салатики, грибочки соленые. То-то Пал Палыч жалел, что остаться не может.

Через час с небольшим они сидели в беседке, и все, о чем говорил Александр Михайлович, стояло на столе. Присутствовали еще двое чиновников из какого-то министерства. Один из них был с женой. Сорокалетняя дама в шифоновом платье с глубоким вырезом, открывающим круглую силиконовую грудь, во все глаза смотрела на молодого оскароносца, а когда муж, теряя бдительность, отворачивался, беззвучно вздыхала и облизывала сочные губы. Мужчины пили водку, закусывали хрустящими белыми груздями и тающими во рту щучьими котлетками, говорили о каких-то делах, более похожих на развлечения, вспоминали общих знакомых, но не сплетничали. Даме было немного грустно, ей ничего не оставалось, как пить итальянское белое вино и незаметно под столом прижиматься бедром к ноге Николая Торганова.

Спать легли поздней ночью. Торганов-старший, уже лежа в постели, погасил ночник у своей кровати, пожелал сыну спокойной ночи. И почти сразу сказал:

– Что ни происходит, все – к лучшему. Ничего бы этого не было: ни этой ночи, ни рыбалки... Вполне возможно, что и слава прошла бы мимо тебя, Коля, если б не тот злополучный отдых в Юрмале.

Глава пятая

На следующий день сразу после завтрака отец уселся за рабочий стол в кабинете коттеджа, сказав, что приехал сюда не только ради рыбалки, но и для работы.

– Сейчас идет подготовка к очередному ежегодному посланию президента, – сообщил он, – ничего нельзя упустить.

Николай посидел в беседке, а потом, обнаружив в холодильнике холодное пиво, достал две бутылочки и отправился с ними на пляж, где уже находилась вчерашняя дама. Она развалилась в шезлонге и дремала, подставив солнцу подбородок. Рядом стоял еще один шезлонг – пустой, если не считать оставленного на нем номера «Спорт-экспресса»: как видно, министерский чиновник недавно куда-то скрылся. У чиновников всегда появляются дела, стоит только их женам вздремнуть.

– Ах! – воскликнула робкая жена трудолюбивого слуги народа, когда открыла глаза и увидела в трех шагах от себя Николая. – Вы так неожиданно подошли, что я...

Ничего путного ей на ум не пришло, и потому дама просто решила покраснеть от смущения:

– Разве можно так пугать женщин?

– А как надо пугать? – поинтересовался Николай. – Научите!

– Ну, вы прямо...

Дама опять не смогла подобрать подходящих слов, а потому принялась взволнованно дышать, поддерживая при этом бретельки слишком маленького для ее бюста бикини.

– Хороший на вас купальничек, – сказал Николай и начал стягивать с себя джинсы.

Дама смотрела на него с волнением и плохо скрываемым интересом.

– Я его в прошлом году в Милане купила, – сообщила она скороговоркой. – А вообще мы с мужем в Портофино отдыхали. Хорошее местечко!

Произнеся это, она улыбнулась, потому что Николай стоял уже перед ней в одних плавках. То, что ожидала увидеть дама, превзошло все ее ожидания.

– Теперь я готова поверить, что вы дружите со Шварценеггером.

– А разве были какие-то сомнения? – бросил через плечо Николай, направляясь к воде.

– Нет, но...

Она замолчала, а потом вскрикнула испуганно:

– Ой, а вы что, купаться надумали? Вода же холодная, ногу может свести, а спасателей здесь нет.

– А разве вы не поспешите мне на помощь?

– Конечно, я брошусь к вам, – заверила дама, – только я плаваю плохо, мы можем вместе утонуть.

– Зато какое наслаждение утонуть в ваших объятьях!

Торганов зашел в озеро. Вода оказалась не такой уж холодной. Дно оказалось песчаным, и было мелко, пришлось пройти пару десятков шагов, и, только погрузившись по пояс, Николай бросился в воду и поплыл. Удалившись от берега на приличное расстояние, он перевернулся на спину и стал смотреть на облака, пробегающие по небу. Он уже отвык от спокойной воды, и подобное купание казалось ему странным: не надо вбегать в накатывающие на берег волны, бороться с океаном, стараясь подальше отплыть от пляжа, чтобы потом, ловя двухметровый вал, нестись к берегу на его гребне, то взлетая, то вновь опускаясь. А здесь безмятежно и тихо, ничто не волнует душу, можно даже говорить глупости малознакомой женщине. Зачем он тут? Николай подумал об этом и удивился, что случайная мысль, залетевшая в голову, привела его сюда с целью, неизвестной ему самому. Россия, полузабытая и неузнаваемая им страна, качала его на поверхности озера, накрывая близкими облаками.

Чиновничья жена дожидалась у кромки воды. Несмотря на свою гипертрофированную грудь, она была стройна и знала об этом.

– Вам дважды звонили по мобильному, – сообщила дама, глядя с улыбкой на торс Николая.

Она все еще не теряла надежды. Два шезлонга стояли в непосредственной близости друг от друга.

Торганов проверил непринятые вызовы: один раз звонила из Нью-Йорка мать, а второй звонок был от издателя.

Сначала он набрал номер матери.

– Почему ты не сообщил, как долетел? – начала возмущаться Ирина Витальевна. – Ты уже третий день в России, а от тебя ни слуху, ни духу.

– Я в Москве, вернее, в Белозерске, – объяснил Николай, – отец пригласил меня на рыбалку. У меня все в порядке и у него, судя по всему, тоже.

– Будь осторожен.

– Он ни о чем просить не собирается.

– Все равно: будь осторожен с его знакомыми. Особенно с женщинами.

Разговор шел на английском, и чиновничья жена, хоть и делала вид, что внимательно вглядывается в легкую рябь на поверхности озера, старательно напрягала слух.

– Я как раз общаюсь с одной симпатичной дамой.

Говоря это, Торганов посмотрел на профиль соседки и увидел, как у нее дрогнули уголки губ – понимает, значит.

Затем Николай связался с Витальевым и разговаривал с ним уже на русском.

Разговор с издателем был недолгим. Григорий Михайлович предупредил, что на следующей неделе предстоит запись телевизионного интервью, а также участие в какой-то популярной программе, где разыгрываются три миллиона рублей.

В ответ Николай доложил Витальеву, что с текстом газетного интервью ознакомился и согласен, в принципе, со всеми своими ответами, только, упоминая об отце, следует сказать, что он сделал определенную административную карьеру.

– О'кей, – согласился издатель, – мы еще обсудим это. А на следующий уик-энд ничего не планируйте: мы с вами приглашены на частную вечеринку. Вернее, приглашение прислали мне, но оно рассчитано на две персоны. Очень солидный дом, хозяин – влиятельный человек: у его дочери день рождения. Вот я и подумал: моя жена устала от всех этих гламурных тусовок, а на вечеринке будет много интересных людей...

– Если вы имеете в виду двадцатипятилетие дочери Шабанова, – перебил издателя Николай, – то возьмите с собой жену – зачем ей скучать в одиночестве! А я там и так буду: Пал Палыч меня уже пригласил.

– Вы серьезно, что ли? – удивился Витальев. – Не успели в Москве появиться, а уже завели такие знакомства!

Издатель решил больше не мучить Николая разговорами и попрощался.

– А вы Алису прежде не видели? – обратилась к Торганову слышавшая весь разговор чиновничья жена.

– Никогда. А что, она настолько страшна, что мне следует отказаться от предложения?

Дама дернула плечом, бретелька соскочила.

– Почему же, как раз наоборот. Алиса весьма симпатична, к тому же популярна среди молодежи. Она – ведущая программ на «МузТВ». Так что на вечеринке у нее будет большое количество эстрадных звезд. И вообще эта тусовка рассчитана исключительно на молодежь, а так бы мы с мужем тоже там были.

– Жаль, что вас не будет, – притворно опечалился Николай, – хоть одно приятное лицо увидел бы. А вам когда двадцать пять исполнится?

Дама внезапно пунцово покраснела: наконец до нее дошло – писатель издевается. И все же она нашла силы спокойно и достойно ответить:

– Уже никогда. Я старше Алисы Шабановой, хотя до возраста Мишел Майлз мне далеко.

В очередной раз Николай убедился, что в России о нем известно все.

А чиновничья жена, оказавшаяся не такой уж тупой, попыталась уколоть его еще раз:

– Кстати, почему вы прилетели один? Не смогли упросить свою подругу посетить Россию вместе с вами?

– Она провожала меня в аэропорту. Очень хотела полететь, но я отговорил: сейчас Стивен Спилберг снимает фильм по моему сценарию, где у Мишел главная роль. Даже день отсутствия на съемочной площадке грозит гигантскими неустойками. А расставаться тяжело даже на время: Мишел плакала, просила меня остерегаться русских женщин. Она, кстати, только что звонила, и вы могли слышать нашу беседу.

– Я не прислушиваюсь к чужим разговорам, – покачала головой дама и снова покраснела.

Но тут затрещал ее собственный мобильник. Дама проверила номер телефона абонента и поднесла трубку к уху.

– Я на пляже... Хорошо, хорошо... Постараюсь не скучать. Завтра вечером прилечу. Бай!

Отключив сотовый, она посмотрела на Николая и улыбнулась.

– Это мой муж звонил. Сказал, что его вызвали в Москву. Кстати, и ваш отец с ним летит.

Оставляют нас тут одних.

Торганов не поверил: отец наверняка предупредил бы, что собирается его покинуть. Видимо, дама что-то напутала. И тут раздался звонок от Александра Михайловича.

– Мне на московскую квартиру с курьером прислали новые материалы, необходимые для доклада. Так что я срочно вылетаю домой. А ты уж отдохни без меня.

– Ну, и что мы будем делать? – спросила чиновничья жена.

Тут Николай вспомнил о принесенных им на пляж бутылочках пива, открыл одну и протянул даме.

– Пить пиво. А там – посмотрим.

Вечер они провели в беседке возле коттеджа, в котором теперь обитал один Торганов. Пили водку и закусывали шашлыком по-карски, вареной осетриной, пирожками с белыми грибами и блинами с черной икрой. Дама намазывала икру на блин и, смеясь, угощала Николая из рук. Слегка захмелев, она стала веселой и разговорчивой. Коля опьянел быстро. Он откусывал от блинов, которые держала в руке дама, доходил до ее пальцев, и последний кусочек она нежно подталкивала к его рту ладонь. Потом смахивала икринки с его губ и облизывала свои пальчики, делая это страстно и с явным удовольствием...

Утром они вместе приняли душ, потом вернулись в постель и провалялись до обеда.

Днем Светлана была такой же неустойчивой, как и ночью.

А муж ее оказался одним из заместителей министра юстиции.

Домой возвращались вместе. В последний раз Николай посмотрел на озеро, думая, что никогда сюда не вернется. Потом внизу промелькнул старый монастырь, в котором размещалась теперь колония для преступников. Николай точно не знал, что это – «Черный дельфин» или «Серый лебедь», и все равно содрогнулся, когда разглядел маленький внутренний дворик, прикрытый сверху ржавой решеткой.

Расставаясь со Светланой, Торганов поинтересовался, есть ли у нее дети.

– Сын. Ему восемнадцать. Только что закончил первый курс и с друзьями махнул на Сейшелы. Впервые отдыхает без нас. Он всерьез увлекся дайвингом и виндсерфингом. А я теперь волнуюсь.

Глава шестая

Николай сидел за празднично накрытым столом в квартире отца, ловя на себе взгляды сестер. Старшая исподтишка на него поглядывала, а младшая без смущения разглядывала в упор невесту откуда взявшегося брата. Николай был немного растерян, так как новая жена отца казалась совсем молодой, по крайней мере, выглядела моложе жены заместителя министра юстиции, с которой Коля расстался накануне.

– Марусе было восемнадцать, когда мы познакомились, – сказал отец. – Оля была студенткой Корабелки. Ректорат поручил мне сделать маленькую заметку о девушке, победившей в конкурсе студенческих проектов. А я увидел ее и влюбился моментально. Думал, шансов никаких, ведь я вдвое старше. Но так хотелось видеть Марусю, что я нашел предлог для встречи: якобы готовлю очерк для городской молодежной газеты. Кстати, очерк потом был опубликован. Мы увиделись, она рассказала о себе: живет в общежитии, родители погибли, из родственников только старенькая бабушка. Неделю мы встречались будто бы для работы над очерком. А потом я взял да и признался ей в любви.

Николай посмотрел на жену отца, и та улыбнулась ему.

– На самом деле я призналась первой, – сказала она, – просто увидела, что Саша боится это сделать. Мы поженились почти сразу, а потом Наташка родилась. А через два года и Маша.

Но младшей сестре менее всего хотелось слушать разговоры о себе.

– А вы действительно дружите со Спилбергом?

– Во-первых, не «вы», а ты, – поправил ее Николай, – а во-вторых, не дружу, а сотрудничаю.

– А с Мишел Майлз тоже сотрудничаешь? – спросила девочка.

Николаю пришлось делать удивленные глаза, но жена отца объяснила:

– Машка собирает всю информацию о тебе: у нее есть специальная папка с вырезками из журналов и газет.

– С миссис Майлз я дружу, – кивнул Николай, – хотя видимся мы не часто. Она, кстати, меня перепутала с Иваном Сергеевичем Тургеневым, сказала, что читала мой роман «Вешние воды». А я наврал, что это мой двоюродный дедушка.

– Не очень-то и наврал, – весело улыбаясь, произнес Александр Михайлович, – род Торгановых – древний. Хан Торган в четырнадцатом веке пришел на службу к Великому князю московскому вместе с другими татарскими родами, отказавшимися принимать ислам. Так на Руси появились Юсуповы, Салтыковы, Самойловы, Измайловы и другие известные семьи. Врал, наверное. А потом один из нашего рода, Яков Торганов, пошел в шуты к царю Алексею Михайловичу. Должность шута была тогда не такой уж презренной и унижительной, хотя Якову приходилось кудяхтать под столом и подавать царю якобы снесенные им яйца. Зато сделался богатым человеком. Но уже тогда Яков исправил фамилию на Тургенев. А мы так и остались гордыми нищими Торгановыми.

Постепенно Николай освоился в отцовской квартире и даже удивился, что чувствует себя как дома. Хотя почему и нет? Он и в самом деле сидит в кругу близких родственников: отец, сестры – разве есть более родные люди? Только вот язык не поворачивается назвать жену отца Марусей.

Младшая сестра включила телевизор на музыкальном канале, появилась ведущая программы – красивая девушка с мелированными волосами. Что-то неуловимо знакомое было в ее лице, Николаю показалось даже, что он видел эту девушку прежде. Непроизвольно махнул головой, сбрасывая наваждение: не мог он ее знать.

– Это Алиса Шабанова, – объяснила Маша, – моя любимая. Правда, она очень похожа на Скарлетт Йохансон?

– Действительно, – согласился Николай, – есть что-то общее.

Он смотрел на девушку, с которой должен был познакомиться через пять дней. Теперь ему казалось, что он знает ее и ждет не знакомства, а очередной встречи.

Пал Палыч прислал за Николаем автомобиль с мигалкой на крыше.

Опускаясь на кожаный диван, Коля обратился к водителю:

– Далеко ехать?

– На Рублевку. Но вы не переживайте – у нас спецномера и спецсигналы. Через час будем на месте.

Водитель оказался прав: ровно через час машина подкатила к высокой кирпичной стене, вдоль которой уже стояли припаркованные дорогие автомобили, и остановилась перед металлическими воротами. Из будки охраны появился плечистый молодчик с мобильной рацией в руке. Он подошел к машине, водитель опустил стекло, охранник внимательно оглядел Николая.

– Торганов, – представился тот.

Молодой человек поднес рацию ко рту и произнес негромко:

– Торганов. Один.

– Есть такой, – сквозь хрип эфира отозвался мужской голос.

Ворота начали разъезжаться, а охранник, наклонившись к открытому окошку, сказал Николаю:

– Простите, но таковы правила.

Дом Шабанова находился метрах в пятидесяти от ворот, к нему вела широкая, выложенная гранитной плиткой дорога, вдоль которой росли невысокие кедры и стояли фонари на тонких чугунных столбах. Несмотря на бледные сумерки летнего вечера, фонари сияли ослепительным светом. На площадке перед домом стояли накрытые столики, неподалеку от которых была сооружена небольшая эстрада, где всюю старались скрипачи.

Автомобиль остановился возле большого плавательного бассейна с подсвеченным дном, Николай открыл дверцу и сразу услышал мелодию, которую исполняли музыканты. Это была тема из фильма «Тихий ангел». Но еще больше удивился Торганов, когда увидел, что вдоль бассейна растут трехметровые пальмы. Гостей было пока немного – не более двадцати человек; приглашенные стояли небольшими группами и беседовали. Между ними сновали официанты, разнося на подносах напитки.

Подойдя ближе к дому, Николай заметил Шабанова, который помахал ему рукой. Рядом с Пал Палычем стояла его дочь. На ней было обтягивающее шелковое платье и короткий белый пиджачок, скроенный как смокинг. Отправляясь на вечеринку и зная, что на ней будут присутствовать люди известные и, стало быть, состоятельные, Николай тоже решил надеть смокинг. И тоже белого цвета. Но, выйдя из автомобиля и увидев гостей, расстроился: среди гостей не было мужчин в смокингах или хотя бы в костюмах – только рубашки или майки с рисунками и блестками. Зато хозяйка вечера была одета так, словно ждала именно его, зная заранее, во что будет одет обладатель «Оскара».

Он подошел к Алисе, удивляясь ее сходству со Скарлетт Йохансон. Пал Палыч протянул ему руку для приветствия и сказал дочери:

– Вот, Алиса, тот самый Ник Торганов, книгой которого ты зачитываешься.

Девушка улыбнулась ослепительно, а Николай изобразил растерянность:

– Значит, у вас уже есть американское издание «Тихого ангела»? А я-то принес вам в подарок именно его.

Коля достал из кармана книжицу и протянул имениннице. Алиса раскрыла ее и, прочитав надпись на титуле, улыбнулась.

– Ну-ка, ну-ка, – наклонился к дочери Пал Палыч, – что наша знаменитость написала для тебя?

– Это на английском, папа. «Алисе от автора, который готов подарить ей страну чудес, а не какую-то дурацкую книжку».

Николай достал из другого кармана плоскую коробочку, открыл ее и протянул.

– Не зная вашего вкуса, я решил довериться своему.

– Какая прелесть! – восхитилась Алиса.

Достала из коробочки браслет из белого золота с бирюзой и тут же нацепила его на запястье.

– Я бы сама выбрала для себя именно такой. К тому же он очень походит к моему пиджаку.

– И к глазам, – добавил Пал Палыч.

Посчитав, что его миссия выполнена, Торганов решил отойти в сторону, но именинница остановила его:

– Куда же вы? Пойдите рядом. Мне очень хочется побеседовать с вами.

Она смотрела в лицо Николая серьезно и внимательно.

– Может быть, перейдем на «ты»? – предложила Алиса.

– С удовольствием, – согласился Торганов, – мне тоже так проще.

Алиса махнула рукой, подзывая официанта.

А Коле объяснила:

– Мы должны выпить на брудершафт, чтобы соблюсти русский обычай.

Тут же подошел официант с подносом. Николай взял оба бокала, один передал Алисе, и они выпили шампанское одновременно, вернули бокалы на поднос, после чего Алиса положила свою руку Торганову на плечо, ладонью погладила его шею и подставила губы. Коля хотел лишь коснуться ее губ, может быть, чмокнуть быстро, но девушка ждала иного. Она решила продлить поцелуй насколько возможно, не смущаясь, что рядом стоит ее отец и гости пялятся на них во все глаза. Она впилась в рот Николая полными губами и сжала их так сильно, что он почувствовал, как кончик ее языка касается его зубов. Алиса уже двумя руками обнимала его шею и прижималась к нему всем телом. Поцелуй длился не менее минуты. Наконец Алиса отстранилась и взглянула на Колю влажными глазами:

– Ты не обиделся за мою откровенность?

– На тебя невозможно обижаться, – ответил Николай.

И поправил лацкан ее пиджачка.

Смокинг Алисы оказался сшит из тонкой крокодиловой кожи, только лацканы были шелковые.

Гости продолжали прибывать. Они поздравляли Алису, дарили ей подарки, а потом здоровались с Пал Палычем и с Торгановым, нисколько не удивляясь тому, что он стоит рядом с именинницей. Очень скоро подошел Витальев с женой. Вдвоем они притащили связку фолиантов в кожаных обложках с золотым тиснением.

– Алиса Павловна, позвольте вручить вам образцы новой продукции моего предприятия. Это подарочные издания, которые отныне будут вручаться высоким гостям, посещающим нашу страну.

Алиса махнула рукой, откуда-то из сумерек вырисовался охранник, который взял тяжелые книги и растворился во тьме.

– Зная, что среди ваших гостей будет многоуважаемый Николай Александрович, я принес и его книгу.

Витальев протянул имениннице русское издание «Тихого ангела», Алиса подмигнула Николаю и передала ему томик для того, чтобы он и на ней оставил дарственную надпись.

«Алисе в память о мгновении счастья, подаренном автору», – написал Коля.

Девушка, прочитав, обняла Николая и быстро поцеловала его. Витальев не смог скрыть удивления, обернулся к жене, но промолчал. Похоже, он делится со своей супругой всеми новостями, даже если события происходят на глазах у обоих.

Количество гостей перевалило за две сотни. Они стояли возле столиков, сидели на краю бассейна или на траве возле пальм. Играла музыка, но в гуле голосов ее не особенно было слышно. Кто-то пытался выкрикивать тосты и здравицы в честь именинницы, но на это веселая компания обращала еще меньше внимания. Кто-то смеялся, кто-то, встретив знакомых, обнимался и целовался, кто-то глушил шампанское, пил водку или виски, а некоторые, не таясь, нюхали кокаин.

– Откуда здесь пальмы? – спросил Торганов у Пал Палыча.

– Из нашей оранжереи, – ответил Шабанов, – на лето мы их вместе с кадками зарываем в землю, а осенью возвращаем под крышу. – Но у меня, – он многозначительно повернулся к Николаю, – к вам совсем другой разговор будет.

Он взял Николая под локоть и повел к дому. У дверей уже ждал Витальев. Втроем они вошли внутрь и расположились в креслах в просторной гостиной.

Прежде чем начать разговор, Пал Палыч внимательно оглядел Николая, словно еще раз хотел убедиться, что перед ним именно Торганов, а не кто-то другой.

– Николай Александрович, – произнес Шабанов, – не буду скрывать, что появление ваше в моем доме неслучайно. Дело даже не в том, что моя дочь – ваша преданная читательница и поклонница, и не в том, что ваш отец, Александр Михайлович, приближен к президенту страны и дружит с ним уже много лет. Ваши книги, фильм, поставленный по вашему сценарию, вручение премии американской киноакадемии подняли престиж нашей страны, пробудили интерес к России у разных слоев зарубежного населения. А потому нами серьезно рассматривается вопрос о вручении вам Государственной премии в области литературы.

– Я рад, – произнес Торганов.

– И я тоже, – согласился Пал Палыч, – решение принималось непросто, но у нас сейчас книжки пишут все кому не лень, а настоящих талантов – раз-два и обчелся. А вы уже признанный Западом автор. Конечно, есть проблемка в том, что вы проживаете в Штатах, но и это поправимо.

– В каком смысле? – не понял Николай.

– Не бойтесь, – улыбнулся Шабанов, – ничего, что ограничило бы вашу свободу передвижения и выбор места проживания, вам не грозит. Просто предстоит ряд определенных процедур. Во-первых, надо поменять ваш старый советский паспорт на российский. Это для вас за один день сделают. Во-вторых, надо создать вам определенный имидж: дескать, вы не эмигрант, сваливший когда-то в Америку, а самый настоящий патриот, активно участвующий в общественной жизни страны. Вы должны войти в состав какой-нибудь общественной организации и проявить себя.

– Я не собираюсь вступать в какую-либо партию, – попытался отговориться Торганов.

– Николай Александрович, вы меня не поняли. Вас включают в состав какой-нибудь общественной комиссии сообразно вашим увлечениям или образованию. Ваша основная специальность какая?

– Вообще-то я – юрист. Более четырех лет проработал в известной адвокатской конторе.

– Это просто замечательно! – обрадовался Шабанов. – Тогда и думать ни о чем не надо. Мы включим вас в состав Общественной палаты... Хотя нет, лучше в состав Комиссии по помилованию. Делать ничего не придется, другие люди будут рассматривать прошения, изучать их и принимать решения, а вы, как, впрочем, и другие члены комиссии, будете просто ставить свою подпись под протоколом заседаний. Возглавляет комиссию академик Локотков Василий Ионович, дважды Герой Социалистического Труда – замечательный старикашка, он в свое время создавал химическое оружие для Советской Армии.

Торганов не знал, что отвечать. Понимал только, что решения ждут от него именно сейчас, не решения даже, а простого согласия, потому что решено все давно. Вполне возможно, что и отец приложил к этому руку.

– Я, разумеется, не против, – произнес Николай, – только ведь я постоянно проживаю в Штатах, там у меня и работа, обязательства перед издателями и продюсерами... Потом...

– А какая разница, где жить! – перебил его взбудораженный Пал Палыч. – Работайте здесь, вам создадут все условия. Выпустите еще несколько книг массовым тиражом. Издатель только рад будет.

Шабанов посмотрел на Витальева, и тот кивнул.

– Конечно, буду. Еще как! А когда премию вам вручат, знаете, как ваши книги расходиться будут!

– Не расходиться, а разлетаться! – уточнил Пал Палыч. – И потом, эта общественная нагрузка не отнимет много времени. В Нью-Йорк можете летать, когда вздумается. Потерпите месяцев восемь, пока Госпремию не получите, а потом выйдете из состава комиссии.

– Ну, если так, то возражений у меня нет, – согласился Николай.

И тут же почувствовал, как заныло сердце, словно он совершает какую-то страшную ошибку. То же самое Торганов чувствовал накануне свадьбы с Джозефиной.

– Вот и славно, – произнес, поднимаясь из кресла, Шабанов, – завтра я доложу о вашем согласии, а на следующей неделе вас официально введут в состав Комиссии по помилованию.

Пал Палыч протянул руку Николаю, а потом Витальеву. Но обратился к одному лишь Торганову:

– Ладно, оставайтесь здесь, а я вернусь в городскую квартиру. Все эти эстрадные звезды мне не по душе. Сейчас они напьются, обкуруются, обколются, кокаину нанюхаются и начнут в бассейн прыгать. Ребята мои последят, конечно, чтобы никто не утонул или от передозировки не загнулся. А вы, Коля, проконтролируйте Алису. Она девочка хорошая, подобными делами не увлекается, но сегодня у нее день рождения – многие к ней приставать будут, дескать, давай выпьем или заплыв устроим. А в том, что тут оргия начнется, я не сомневаюсь.

– Ой, – встрепенулся Витальев, – тогда я намекну жене, чтобы она уезжала: ей такие вещи лучше не видеть. Скажу ей, что мне надо с Торгановым кое о чем побеседовать, а потому задержусь ненадолго.

Они вышли из дома. На площадке возле бассейна уже начались танцы. Грохотала музыка, мигали разноцветные лампы. Торганов увидел среди толпы Алису: она была уже без пиджака и танцевала с бокалом шампанского в руке. А в опасной близости от нее покачивался длинноволосый неопределенного возраста человек, уже потерявший где-то свою рубашку.

Дочь Пал Палыча тоже увидела Николая и помахала ему рукой, подзывая к себе. Она даже крикнула что-то, но сквозь грохот музыки ничего не было слышно. Алиса поняла это, улыбнулась и послала Николаю воздушный поцелуй.

Вскоре вернулся Витальев, радостный от того, что не пришлось долго уговаривать жену.

Издатель и писатель обогнули бассейн, попросив официанта перетащить к ним один из столиков и пару стульев. Вскоре они сидели под пальмой, потягивая виски и наблюдая, как в мигании разноцветных огней колышется людская толпа. Алису не было видно, зато некоторые из приехавших девушек уже сбросили платья.

– Сейчас начнется, – обрадовался Витальев.

Но первым в бассейн сиганул все-таки мужчина: держа в руке бутылку шампанского, некто в светлом костюме разбежался и прыгнул, согнув ноги в коленях. Вынырнув, он тут же поднес бутылку ко рту и начал пить, захлебываясь пеной. Тут же посыпались в бассейн и остальные: полуголые девушки и мужчины в брюках и без оных.

– Роскошное зрелище! – восхитился Витальев и, закинув голову, сделал большой глоток виски прямо из горлышка.

На мгновение Торганову показалось, что он увидел Алису. Девушка со светлыми волосами и в темном обтягивающем платье вошла в воду и поплыла через бассейн.

– Пойти, что ли, и мне искупнуться? – произнес издатель и обернулся к Николаю: – Вот так теперь в России веселятся: это вам не цыганский хор с медведем!

– Можно и цыган вызвать, и медведей на велосипеде, – сказала Алиса, появляясь над бортиком бассейна.

Торганов помог ей выбраться из воды и подвел к столику. Мокрое шелковое платье так облепило ее, что казалось: на Алисе нет никакой одежды.

– Это еще только начало, – сказала она, недовольно глядя на издателя.

– Эх, была – не была! – закричал Витальев, вскакивая со стула, срывая с себя пиджак и сбрасывая ботинки. – Один раз живем! – заорал он, устремляясь к бассейну.

Зажал нос пальцами и прыгнул в воду.

Алиса обхватила шею Торганова двумя руками, прижалась к нему мокрым телом и, ловя губы Николая, прошептала:

– Я хочу тебя прямо сейчас.

Глава седьмая

Весь следующий день они провели в постели. То, что произошло накануне, Торганов старался не вспоминать, хотя не видел ничего ужасного в том, что они, обнявшись, рухнули на подстриженную траву газона под низкорослыми пальмами. Алиса стянула мокрое платье, а он в спешке избавился от смокинга и брюк, потом они целовались, а когда стали заниматься любовью, загрохотали петарды и ракеты, в небе рассыпались гроздья салюта и закрутились колеса фейерверков. Стало ясно, как днем, может быть, еще ярче, совсем рядом закричали десятки голосов, а они, не обращая внимания на происходящее, не могли насытиться друг другом. Каждый из них был словно голодный зверь, настигший наконец долгожданную добычу. В тридцати шагах колыхалась толпа, оглашая окрестности стоглоточным гулом. Но Николай и Алиса уже летели к звездам сквозь искры фейерверков и разрывы петард.

Потом, утомленные, они направились в дом: апартаменты Алисы располагались на втором этаже, вход туда был отдельный. Они поднимались по лестнице долго, потому что на середине пути желание снова охватило обоих. Они любили друг друга на ступеньках, потом в коридоре, на пороге спальни и в ванной тоже. За окнами продолжали орать гости, но потом крики стали стихать: кто-то отправился домой, кто-то остался спать на газоне. Ребята из охраны ходили между телами, освещали лица людей, поверженных алкоголем и усталостью, поднимали кого-то, разносили гостей по автомобилям, возвращались и продолжали свое дело. Видимо, они и подобрали платье Алисы и костюм Николая, потому что, когда он рассматривал через окно площадку рядом с бассейном, то ничего не увидел. Вернее, увидел идеальную чистоту. На траве не осталось даже клочка бумаги или окурка. Это было неприятным открытием.

– Ты что там высматриваешь? – спросила она.

– Брюки свои ищу.

– Бесполезно. Потом пошлем кого-нибудь за новыми. Иди ко мне!

Он вернулся в постель, думая о том, что Алиса оставила на газоне не только свое платье, но и трусики, а он нижнее белье растерял, скорее всего, на ступеньках лестницы.

– Ты чем-то расстроен? – спросила она.

Николай покачал головой.

– Все нормально.

– Но я же вижу. Может, я тебе не понравилась?

– Ты – чудо, и сама это знаешь.

– Знаю, конечно, – согласилась Алиса, – мне столько писем приходит от поклонников! Ты представить себе не можешь. Они все дебилы и дауны. Ошибки орфографические делают, причем самые примитивные, в словах «моя ненаглядная» аж четыре штуки. И все предлагают заняться сексом. Каждый уверяет, что у него получается это как ни у кого на свете. И откуда они про себя такое знают?

– Тебе придется смириться: это обратная сторона популярности.

– Мне плевать на всех. Но когда я увидела тебя на вручении «Оскара», то решила сразу: этот парень рано или поздно будет моим! И, как видишь, не ошиблась. Я всегда получаю то, что хочу.

Алиса обняла Николая и спросила:

– Тебя не коробит моя откровенность?

– Наоборот: мне даже льстит то, что такая девушка обратила на меня внимание.

– А Мишел Майлз?

– Мы просто друзья.

– Никогда не поверю. Я женщина, но все равно к Мишел неровно дышу.

– Она замужем, и у нее двое детей.

– А если бы я была замужем, это обстоятельство остановило бы тебя?

– Нет, конечно. А ты разве замужем?

– Была когда-то, но недолго. Муж оказался не по женской части. Отец застукал его с любовником на какой-то квартире, ничего не сказал, но за месяц скупил акции нефтяной компании, где супруг был вице-президентом. Акции были заложены банкам под обеспечение просроченных кредитов, так что отцу даже не пришлось выкупать их, просто договорился с банкирами, и те отдали ему залог в управление. После чего ту компанию поглотила более крупная: банкиры подзаработали, и отец, вероятно, тоже. А муж, скрываясь от долгов, сбежал в Таиланд, откуда носа не кажет.

– Сейчас у тебя есть кто-то?

– Сейчас у меня ты, и мне этого достаточно.

К вечеру они спустились во двор. Костюм Торганова оказался висящим на ручке двери, ведущей в апартаменты Алисы. Брюки и смокинг были тщательно отутюжены. Николай оделся, Алиса оглядела его внимательно, словно видела впервые, и тут же предложила отправиться ужинать в ресторан. После они заехали в какой-то клуб, где потанцевали немного, потом оказались в казино. Николай сделал несколько ставок, и последняя оказалась удачной. Он еще раз поставил весь выигрыш на чет, выпала двойка.

Это было его первое в жизни посещение казино. И первые выигранные деньги. Хотелось еще немного поиграть, но Алиса потянула его за рукав, сказав так громко, что оглянулись игроки, сидящие за соседним столом:

– Поехали домой – я тебя хочу.

Они проследовали через весь зал к выходу, на них оборачивались, узнавая, конечно же, популярную телеведущую и разглядывая ее спутника, стараясь угадать, кто это. Некоторые посетители даже сфотографировали их на камеры мобильных телефонов.

Следующий день они плескались в бассейне и поднимались в спальню, снова спускались к бассейну и снова спешили вверх. Ночь показалась им короткой.

А потом был понедельник. Но отрезвление так и не пришло.

Они обедали в Барвихе в небольшом ресторане, где негр-тапер на белом рояле негромко исполнял регтаймы Скотта Джоплина, как Алиса вдруг опомнилась:

– Сегодня понедельник? Так у меня в два часа дня запись новой программы!

Оба еще в субботу утром отключили мобильные телефоны, чтобы никто не мешал им, а теперь наконец вернулись в реальный мир.

– В два часа запись, а уже начало четвертого.

И они помчались в столицу. Алиса вела свой родстер так, что у Торганова замирало сердце, несколько раз ему казалось, что все – столкновение со встречной машиной неизбежно, но Алиса умело вклинивалась между двумя попутками и, пропустив встречную, снова вдавливала в пол акселератор. У поста ГИБДД их все-таки остановили. Подошел инспектор, откозырял, но тут же узнал сидящую за рулем девушку и расплылся в улыбке:

– Автограф не дадите?

И с плохо скрываемой неприязнью оглядел Торганова.

Алиса достала из сумочки стодолларовую банкноту, расписалась на ней, протянула инспектору, и машина рванула с места.

«Я люблю ее, люблю, – пронеслось в голове Николая, – она красива, сексапильна, популярна, умна. Что еще надо? Так я и люблю ее. Кажется». Последнее слово зазвенело в ушах, снова защемило сердце предчувствием, и, чтобы избавиться от волнения, Николай посмотрел на профиль Алисы.

– Ну что ты так смотришь, – сказала она, почувствовав его взгляд, не оборачиваясь и продолжая следить за дорогой, – словно запоминаешь перед долгой разлукой.

- На сколько бы мы ни расставались, я буду очень скучать.
- Не успеешь: я приеду к тебе вечером.

Он вылез, родстер рванул и тут же затормозил. Задним ходом Алиса подогнала автомобиль к Торганову и крикнула через опущенное стекло:

- Я, кажется, начинаю любить тебя.

И умчалась.

«Кажется, начинаю...» – ту же самую фразу написала ему Мишел на своей фотографии, вспомнил Николай.

Слава богу, что первое его интервью было назначено на вторник.

Он ждал Алису, а явился Пал Палыч. Шабанов поставил на стол бутылку виски и осмотрел квартиру.

- Надо поговорить.

Николай напрягся, догадываясь, что разговор пойдет об его отношениях с дочерью Пал Палыча, но тот, откручивая пробку с бутылки, сказал:

- Твой российский паспорт готов. За это по тридцать капель.

Он наполнил подставленные Торгановым рюмки. После чего достал из кармана паспорт, раскрыл его и положил на стол.

- Вот здесь распишись. Только поставь русскую подпись.

Что Николай и сделал, удивляясь оперативности, с которой был подготовлен документ, удостоверяющий его российское гражданство.

– Теперь о главном. В пятницу ты станешь членом Комиссии по помилованию, но прежде встретишься с академиком Локотковым. Старик имеет право знать, с кем ему придется работать.

- Имеет, – согласился Торганов.

- Тогда и за это по тридцать капель.

Выпили, и Пал Палыч сразу поднялся.

- Пойду я.

Он подошел к двери и уже взялся за ручку, но обернулся.

– Чуть не забыл. Мне все известно про ваши отношения. Я – не слишком строгий отец, позволяю Алиске многое. Но тебе скажу: обидишь ее – огребешь кучу неприятностей. Ты понял?

- Да уж родной язык не забыл. А почему вы решили...

– По кочану, – перебил его Шабанов, – я не запугиваю, а просто говорю, что Алиска – девочка хорошая, не надо ее обижать.

Он ушел, а Торганов не мог понять: расстроен или нет Пал Палыч известием о связи дочери с известным, теперь уже российским писателем. И вообще, что он за человек? Почему у государственного чиновника, пусть и высокопоставленного, такая роскошная резиденция с кучей охраны? И день рождения дочери наверняка обошелся в немалую сумму.

Николай решил узнать что-нибудь у отца, набрал номер, но трубку сняла младшая сестра.

– Привет, привет, – затараторила она, – а я как раз собиралась тебе звонить. Купила сегодня газету «Калейдоскоп», где про всех звезд пишут. А там больша-ая статья про то, что у Алисы Шабановой новый бойфренд. Догадываешься кто?

- Откуда мне знать?

– Хватит притворяться! – обиделась сестра. – Там все про вас написано. И даже фотографии есть: вы в казино вместе, потом в ресторане, а главная – на которой вы целуетесь возле ее дома! Я вырезала и в твое досье поместила.

- Отец дома?

- Он сегодня вернется поздно.

- Ну, тогда до свидания. Только запомни: не все, о чем сообщают газеты, правда.

Вдруг Николай вспомнил, что уже несколько дней не работал. Включил компьютер и открыл файл со своим романом, который начал писать весной в Нью-Йорке.

«Все предначертано, но ничего не известно заранее. И в этом прелесть жизни и острота ощущений. Каждая случайная встреча и всякий мимолетный взгляд существуют в этом мире для тебя, так же, как и любовь, проходящая стороной, или чужая боль и страдания близких или посторонних тебе людей. Для чего мы здесь и что знаем о пространстве, нас окружающем? Старик, ловящий последние лучи солнца, не ответит. Промолчит и мудрый ребенок, который пытается понять мир, разглядывая божью коровку на своей ладони. Все в этом мире тайна, и не надо пытаться постичь ее, нужно просто удивляться и радоваться чуду твоего неслучайного появления в этом пространстве. Все молчит, и все ждет ответа. Но что сказала бы она – девочка-школьница, чья душа промелькнула ласточкой над весенним двором моего детства и растаяла в неверной памяти ушедшего утра?»

Торганов читал написанное и не понимал, для чего он это писал. Книга не получалась, а то, что получалось, казалось явной графоманией. Каждый человек, которому нечего поведать миру, пытается заставить окружающих поверить в выдуманные им глупости. Проще всего сделать это, назвавшись писателем. Но в голове у такого писателя нет ни мыслей, ни сюжетов, ни любви к миру – вот почему каждый графоман сочиняет историю о своей школьной любви, которой и не было вовсе.

А что было в жизни самого Николая и что есть сейчас? Кого он может вспомнить и оставить в своем сердце навсегда? Девушки из американских баров, лица которых промелькнули перед его мысленным взором с такой скоростью, словно они проносятся мимо за стеклом вагона подземки – нечеткие, расплывчатые? Джозефина, которая если и вызывала какие-то чувства, то далекие от любви и привязанности?.. Мишел, которая более всего на свете боится приближающейся старости? Мулатка – грациозная любительница танцев, ставшая содержательницей ночного клуба и довольная жизнью из-за того лишь, что носит трусики за пятьсот баксов?..

Алиса... Может, именно она – подарок судьбы? Она красива, умна; она страстная и нежная любовница. Она популярна и богата. Ей ничего от него не надо, кроме него самого. Но если Алиса – подарок судьбы, то что-то надо отдать взамен: просто так никто ничего не дарит. Даже судьба.

Ближе к вечеру он созвонился с отцом.

– Меня включили в состав Комиссии по помилованию, – сообщил он.

– Поздравляю, но тебе это надо?

– А ты не слышал об этом?

– От кого я мог слышать?

Николай промолчал.

И тогда отец сказал:

– Честное слово: я слышу впервые. И не знаю: поздравлять тебя или просить отказаться.

Тут как раз позвонили в дверь – пришла Алиса, разговор пришлось свернуть. Она казалась веселой и беззаботной, от нее пахло дорогим виски, и она спешила.

– Даже до утра не останусь. Завтра у меня встреча с руководством канала. Я решила запустить собственную программу, стать и ведущей, и продюсером. Программа называется «Ужин со звездой». Я буду беседовать в пустом ресторане за столиком при свечах с разными знаменитостями. Потом заиграет оркестр, и мы будем танцевать под прекрасную музыку в пустом зале и разговаривать. Не хочешь быть моим первым гостем?

– Одним интервью больше, одним меньше, – ответил Николай, – меня это мало заботит: мне нужна ты.

Она ушла утром. Всю ночь в окна бил злой завистливый ливень.

Глава восьмая

Василий Ионович Локотков оказался вовсе не забавным старикашкой, каковым его описал Пал Палыч. Академик, несмотря на свои восемьдесят лет, был подвижным крупным мужчиной – лысым и безбровым. Возраст выдавали разве что старческие пигментные пятна на лысине и на тыльных сторонах ладоней. Рукопожатие Локоткова было сухим и крепким.

– Любезный Николай Александрович, в курс дела вас введут другие люди, а я просто объясню стратегическую задачу. С самого начала вы должны уяснить себе, что мы не занимаемся судебными ошибками, пересмотрами приговоров, выяснением обстоятельств дела, характеристиками личностей осужденных: по большому счету, нам на это, простите за грубое слово, плевать. Мы – орган милосердия. В стране сейчас сидит за решеткой почти миллион людей. Кого-то на преступления толкнули жизненные обстоятельства, кто-то, вероятно, получал удовольствие, совершая противоправные деяния, – все люди разные, но мы должны быть милосердны ко всем. В той или иной степени, разумеется. Конечно, каждое прошение о помиловании не доходит до нас: есть специально обученные люди, которые фильтруют поступающие к нам заявления. Но даже по тем, что выносятся на заседания комиссии, мы не всегда принимаем положительные решения. А бывает и наоборот. Вот мне как-то сообщили, что в какой-то колонии содержится женщина, получившая четыре года за то, что пыталась вынести с территории птицефабрики двух замороженных цыплят. Знаете, такие потрошенные... Я как узнал, так сразу в Верховный суд позвонил, и в Минюст еще. «Что, говорю, за хрень такая! У бабы трое детей, а зарплату на фабрике уже полгода не платят!» Короче, наслали на эту фабрику ревизию, налоговую и прочих орлов. Директора сняли, главбуха тоже, кого-то еще – к чертям собачьим!

– А женщину освободили? – поинтересовался Николай.

– Конечно. А куда они денутся! Тогда как раз амнистия была к очередному Дню Победы, а она уже больше половины срока отсидела.

– Простите, а приговоренные к пожизненному сроку могут рассчитывать на помилование?

– Разумеется! Никто не мешает им рассчитывать. Только кто же им даст помилование – подонкам этим! Пусть судьбу благодарят и мораторий на смертную казнь за то, что хоть жизнь им сохранили. Уяснили стратегическую задачу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.